

Фальмальские делители

Deorer

Deorer

Фальмальские делители

«Автор»

2026

Deorer

Фальмальские делители / Deorer — «Автор», 2026

Сатирическое, апокалиптическое и наиправдивейшее сказание о рождении Сферы обслуживания мира благоденствия и достатка. Огненная история любви, которая преодолет тысячи и тысячи световых лет. Математик Типаурангай, потеряв любимую, создаёт мыслящие аморфные кристаллы – «фальмальских молодцев». Те стали искать в людях душу и, не найдя, принялись делить, сжигать, разбирать и сохранять их в базах данных. Сможет ли тот, кто стал машиной, остаться человеком?

Содержание

Часть 1. Вариант Омега-Дум	5
Глава 1. Алтайские горы	5
Глава 2. Белочкин находит смысл жизни	8
Глава 3. Пусть бежит вода в реке	16
Глава 4. Хорошо у тебя дома	21
Глава 5. Мы можем править миром	27
Глава 6. Элли со мной навсегда	31
Глава 7. Знакомство с Вэ-эР	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Deorer

Фальмальские делители

Часть 1. Вариант Омега-Дум

Глава 1. Алтайские горы

Типаурангай стоял один, с правой стороны, вытянувшись струной, руки в карманах чёрной куртки. Родственники Элли не желали находиться рядом с ним. Они все стояли по левую сторону от ямы. Его глаза, когда-то зелёные, теперь имели бледный болотный оттенок. Могильщики ждали, когда священник закончит обряд. Один из могильщиков опирался на лопату и зевал. Слабые тени молодых деревьев касались светлой поверхности гроба, над головами стоявших людей летали птицы. Слышались трели и клёкот.

Священник закончил обряд. Люди задвигались.

Гроб подняли. Он вынужденно отступил назад и на два шага влево.

Они оказались рядом. Он случайно коснулся плеча матери Элли, и та вздрогнула.

Мужчина с тёмным морщинистым лицом, стоявший слева от неё, повернул и наклонил голову в его сторону, тихо прошипел:

– Чтоб я больше не видел тебя, гадёныш! Понял?! Отойди!

Он сделал ещё один шаг. Назад. Ещё шаг.

Закончилось пение слов «Трисвятое».

Он тихо прошептал: «Тоба ма тогао, энуга тоба, на моэ ка ора».

Люди, не глядя в его сторону, брали руками горсть земли. Бросали в яму.

Глухой стук. Тук. Ту-тук. Тук. Ту-тук.

Сердце билось в такт комьям земли.

Он молчал. Мимо проходили люди, священник что-то говорил, обращаясь к нему. Он молчал. Смотрел на растущий холмик и молчал. Священник вздохнул и исчез.

Снова подошёл отец Элли. Остановился в нескольких шагах.

Он с чувством плюнул в Типаурангаю. Выпрямился. Двинулся вперёд.

За его спиной вырос человек в сером пальто. Кранин. Мишка.

Он схватил седовласого мужчину за плечи. Затараторил тому в ухо:

– Дядя Паша, дядя Паша, не надо. Пойдёмте, дядя Паша! Ну, пойдём!

Позади мужчин стояла мать Элли и смотрела на него, не моргая. Знакомым плавным движением поправила чёрный платок, и Типау закрыл глаза.

– Не приходи. Слышишь?! Не приходи! Это ты виноват! Сволочь!

Последние слова Павел Васильевич прокричал, сжав кулаки.

Кранин взглянул на человека в куртке, коротко кивнул и потащил за собой старика.

Типаурангай стоял. Ветер раскидал светлые невытые волосы.

Домой он отправился пешком, и открыл дверь поздним вечером, на закате.

Он спал почти сутки. Проснулся от головной боли. Телефон мелодично пел. Он курил сигареты одну за другой и бесцельно бродил по маленькой пустой квартире. Голова шумела и кружилась. Руки дрожали.

Потерянно ходил и видел её. На кухне. У окна. За столом.

Он закрывал глаза и слышал:

– Всякое такое разное.

– Ди! Ты смешной! Можно, будет «Ди»?

– Всё чики-пики.

– Норм!

Звонкий смех, от которого становилось светло, и теплота разливалась в груди.

В дверь сигналили и стучали. Он не обращал внимания.

Он снова ходил по комнате. Курил. Голова болела. Он жрал анальгин. Пил кофе.

Боль в животе заставила его поесть.

Потом он снова спал.

Телефон перестал трезвонить.

Тишина.

Математик проснулся. Встал. Подошёл к окну и открыл его.

Холодный воздух ворвался в дом. На рабочем столе зашелестели бумаги.

Шевельнулся висящий на стене портрет: смуглый крепкий мужчина и молодая женщина.

Он в простом, но чистом и выглаженном костюме. Она, светлокожая и с чёрными волосами, постриженными коротко, в однотонном платье. Она сидит на стуле с высокой спинкой, он стоит слева от неё. Его левая рука, согнутая в локте, держит невидимый эфес шпаги. Правой рукой он обнимает сидящую справа от него женщину, его правая ладонь на её правом плече. Он спокоен. Её губы чуть растянуты – она улыбается.

Типау поклонился портрету.

Потом чуть прикрыл окно и стал делать зарядку. Принял душ. Сварил пару яиц. Их нашлось всего три штуки в холодильнике. Молока в бутылке осталось меньше четверти.

Он поставил тарелку и чашку на обеденный стол. Сел на табурет. Позавтракал.

Потом сделал и сразу выпил вторую чашку кофе с половиной ложки сахара и молоком. Вздохнул, поднялся, оставив посуду на столе.

Подошёл к рабочему столу, заваленному бумагами. Сел. Привычными движениями запустил компьютер. Устроился поудобнее в кресле.

Взгляд беспорядочно фокусировался то на мониторе, то на исписанных формулами страницах. Чуть задержался на заголовке «Теория зацепляющихся автоматов». Прошёлся по пыльной полосе между исчерканными бумагами и стопкой чистых листов. Замер.

Глаза расширились.

Он перестал дышать. Сердце пропустило удар. Голова закружилась.

Тест. Две полосы. Она оставила тест на столе. Оставила перед отъездом на Алтай со своими одноклассниками. Горы. Они каждый август ползали по скалам.

Он резким движением выкинул левую руку в сторону теста, ударившись о столешницу, глухо вскрикнул, но схватил «женский градусник». Он увидел под ним маленький клочок с её почерком. Встал со стула, держа в левой руке тест, наклонился и взял записку правой. Поднёс её к высохшим, немигающим глазам, защищённым очками.

Мир почернел.

Он скулил и метался по дому, натываясь на стены, столы, стулья. Дверца шкафа помешала ему. Удар. Удар.

Он падал и вставал. Очки разбились. Его трясло.

Через час он заплакал.

Мир исчез.

Голоса. Свет. Он проснулся.

Туман рассеялся. Перед ним стояла Элли в любимых джинсах и той самой рубашке кофейного цвета. Она улыбалась.

– Привет, Ди! Здесь много всякого разного интересного! Как тебе сюрпризик?

– Я не позволю тебе исчезнуть. И ему – тоже. Вы будете жить вечно. Клянусь!

– Всё будет чики-пики, Ди!

– Где ты? Вернись!

Молчание.

Типау открыл глаза.

– Вы понимаете меня?

– Не уверен.

– Назовите своё имя.

– Ди... Типау. Типаурангай.

– Год?

– Не имею представления. Был двадцать девятый.

– Хорошо. Вы знаете, кто я?

– Наверное, вы врач. Сколько я здесь?

– Больше месяца. Сейчас конец сентября. А теперь вам надо поспать.

«Я не позволю тебе исчезнуть. Я тебя буду помнить вечно. И его. Или их. Всех».

Он заснул.

Впервые за долгое время ему приснился сон: «Память предков. Пока ты помнишь, их души живут. Нельзя забыть, иначе они сгинут во тьме. Помни, они будут жить вечно».

Глава 2. Белочкин находит смысл жизни

Градславль был обычным городом Самой Большой и Лучшей Страны.

Корпорация «АО Завслон» выбрала город для своего центра исследований и разработки технологий только потому, что требовались большие площади под здания центра и его новейший автоматический завод. Приобретение под строительство земли вблизи города, прямо у самой его границы, обошлось корпорации весьма дёшево. Кроме того, благодаря содействию со стороны государства, удалось договориться с компанией-поставщиком о присоединении к газопроводу и устройству накопительной станции.

Центр НИОКР получил название «Туды-Сюды Автоматизация» по ошибке, но менять всю ту кучу документов, которую наплодили энергичные работники отделов по капитальному строительству и производственно-техническим вопросам никто не решился.

Юристы удивились, но это не их дело – названия менять, если таковые не нарушают закон. В других отделах кто-то краснел, кто-то смеялся. Госчиновники понимающе ухмылялись, и в кулуарах обсуждали сплетни о руководстве корпорации.

Случился этот казус элементарно.

В ту самую пятницу, на совете директоров, члены высшего руководства «АО Завслон» обсудили множество вопросов. И первым вопросом, не входившим в повестку, стал вопрос о неожиданной болезни секретаря совета, Ниночки. Беседа на эту тему отняла у заседавших господ добрых десять минут, после чего им понадобился перерыв на кофе.

Ниночка обратилась к личному секретарю председателя совета, Клюкина Аркадия Васильевича, с просьбой предоставить ей небольшой отпуск месяца на три или четыре в связи с болезнью. Секретарь прочёл сообщение, уведомил начальника. Затем переслал данные секретарю Виталия Ахметовича Пышкуна, генерального директора «АО Завслон».

Очевидно, что читал сообщение и принимал решение не сам господин Пышкун, занятый на тот момент сборами на экстремальную рыбалку – он желал поехать на далёкую сибирскую реку Новь, чтобы ловить там рыбу настоящими удочками с лодки. Простому человеку не понять рыболова: дело не в крючках, а в том, чтобы рыба клюнула.

Секретарь Виталия Ахметовича обратился в отдел делопроизводства, с просьбой срочно найти замену Ниночке. Секретарь отлично понимал, что фиолетовый ранг доверия господ директоров подразумевает наивысшее качество обслуживания. Ещё он понимал, что его синий бейджик может стать не только небесного оттенка, но и вовсе исчезнуть. Поэтому он специально отметил, что замена должна уметь пользоваться вард-системой, молча слушать, не вступать в беседу. Ориентироваться следует на слова председателя.

Заменой оказалась девушка без имени, по виду лет двадцати пяти. Она едва успела к началу совета, потому что ей пришлось ехать через мост. Как известно, в любом городе, в котором есть мост, у этого моста постоянно организуются две пробки из машин, по числу въездов – с одного берега, и с другого. Выехать с моста, а порой и пройти через мост, становится сложнее, чем отправить к Марсу космический аппарат. Очевидно, что проблема моста есть неразрешимая проблема, пока существуют сами мосты.

Запыхавшаяся, раскрасневшаяся девица без имени пришла на десять минут раньше директоров. Увидела за перегородкой простое, но удобное кресло перед маленьким столиком, на котором аккуратно разложены напёрстки-такочки и очки-авирчи – новейший гата-интерфейс вард-сети «АО Завслон».

Она убедилась в том, что авирчи подключаются, дают картинку, пишут звук. Надела и проверила управление через такочки, заодно ввела пароль, который ей дали, чтобы получить доступ к формам протокола. Заметила, что скорость сематической обработки данных низкая, быстро исправила эту погрешность. Отправила запрос на предоставление ей увеличенной

квоты на плотность потока данных, скорость формирования кластеров и фокусировку семантики. Иначе придётся на слух набирать текст в напёрстках! Тогда ей ни за что не успеть за шестью болтающими мужчинами.

Когда директора приступили к обсуждению вопросов, она старалась не стучать такими по столу. Запись производилась по всем возможным каналам, немедленно расшифровывалась и оформлялась согласно утверждённым правилам вард-сетью. Девушке оставалось только верно выбрать слова и расставлять их в подходящих местах документа. Протокол рос сам собой.

Девушка без имени в строгом костюме сидела с прямой спиной. Тёмная пластина авирчей на лице идеально контрастировала с алыми губами, розовыми щёчками, восхитительной фигурой. Хорошо, что между её столиком и дубовым столом для директоров располагалась решётчатая перегородка с матовыми стёклами.

Девушке без имени не давала покоя мысль: «Если скос упадёт, всё зависнет!»

Первые десять минут фиолетовые господа обсуждали вопрос, не входивший в повестку заседания: что же такое случилось с нашей милой Ниночкой?

Пышкун наклонился к финансовому директору Семёну Яковлевичу Шапиро, и вкрадчиво заговорил, стараясь сделать звучание голоса ниже и потише:

– Слышал, Ниночка-то не просто болеет. Я в кадрах узнавал – «по женской части». А ей двадцать семь всего!

Шапиро, поправляя очки, сигнальным тоном произнёс:

– У моей жены мать так болела в сорок пять. А молодая – это что-то другое.

Директор по развитию и технологиям, Иван Михайлович Яванов, произнося русские слова с лёгким акцентом вследствие двадцати лет жизни в зарубежье, спросил:

– Вы думает, бэрэменна-йа? От кого?

В слове «кого» господин Яванов умудрился произнести четыре ударных слога.

– Вот именно – от кого, – шёпотом согласился Пышкун.

Государственный представитель Чингис Владимирович Иргит раскладывал по столу бумаги, которые составлял и писал сам, или печатал, причём на его планшете все документы имелись, и были в полном порядке. Он тщательно сверял каждую букву и каждый знак: «Один символ, и вместо вилок на Багамах у вас будут вилы в боку торчать. А вам надо такое? И мне не надо. Порядок должен быть во всём – иначе бардак!» Тем не менее, он тоже принял участие в обсуждении важного вопроса. Потому что плох тот мужчина, у которого не возникает вопросов в подобной ситуации. Особенно, если учесть, что Ниночка – красивейшая и умнейшая молодая женщина с идеальной фигурой, и секретарь совета директоров, а не какая-то там помощница у банкмата:

– Господа, вы заметили, как она на корпоративе смотрела на нашего генерала?

Кроме Клюкина, все скосили взгляды на Вениамина Сидоровича Толкачёва, отвечавшего за вопросы безопасности и соблюдения правил. Генерал-лейтенант в отставке, бывший заместитель начальника интендантской службы штаба военного округа, огромный, грузный и молчаливый, он сидел с закрытыми глазами. На мгновение каждому из присутствующих показалось, что он погрузился в тяжёлые размышления.

Генерал неуловимо для глаз изменил позу. Фиолетовый бейдж сверкнул на лацкане. Зазвучал высокий, почти мальчишеский голос:

– Я всё слышу. Ничего не знаю. У меня радикулит.

Шапиро, поглядев на председателя, уткнувшегося в планшет, тихо уточнил:

– Может, она просто заболела? Бывают же осложнения? Давеча я так чихнул...

– Да что вы говорите! – отреагировал с фырканием Пышкун, – Ниночка слишком молода для того, чтобы вообще болеть. Это беременность, даю ровно сто процентов.

Чингис Иргит тут же кивнул:

– У моей тётки киста была после гриппа, но это – в сорок семь лет. А тут...

Клюкин ткнул в планшет, потом коснулся пальцами нескольких иконок на столе перед ним, поднял голову и, вежливо кхыкнув, произнёс тоном хозяина бара:

– Господа, может, сделаем перерыв на кофе? Скоро обед, а мы ещё не начинали.

Все с готовностью согласились: так проще обсудить судьбу несчастной Ниночки.

Девушка без имени замерла. Она слушала, как господа поднимаются и переходят в соседнюю комнату. Ещё пролетая по коридору, она успела заметить через открытые широкие двери уютный зал. Там диваны, кофемашина, печенье. Девушка сняла напёрстки и авирчи, и собралась было пройти по своим делам и тоже отдохнуть. Но, поднявшись с кресла, она увидела, что господин Клюкин остался за столом. Девушка поняла, что ему нужно ответить: он держал в руках телефон. Она очень тихо и незаметно выскользнула.

Клюкин действительно отвечал на сообщение от «Н.», но делал вид, что изучает документы в замесе «Гося» и проверяет, нет ли новостей от личного секретаря.

В зале для отдыха царило оживление. Пышкун тыкал в кнопку «эспрессо», хотя думал об «американо». Он не ожидал увидеть крем на поверхности тёмной жидкости в чашке. Кофе покрылось пенкой, и он спросил у финдиректора раздражённым голосом:

– Так. И кто же это отец у нас? Ты так и не сказал.

– А я откуда знаю? – Шапиро пожал плечами. – Может, вообще не наш.

Иргит, отхлёбывая чай, заметил:

– Главное, не государственный служащий. Скандала не надо нам. Вот совсем.

Толкачёв кряхтя и ворочаясь в кресле, заявил своим высоким голосом:

– А чего гадать? Не наше дело, вообще-то. Личное – оно личное.

Яванов стоял у окна и смотрел на парковку. Он держал в одной руке чашечку кофе, а в другой вертел электронный ключ – новая привычка бросившего курить человека. Его акцент слышался даже в короткой фразе:

– Странно всё. Нот-правильно. Такая молодая, а уже боулет.

Пышкун сдвинул брови, что-то вспомнив:

– А вы заметили, как она на прошлом совете смотрела на господина Клюкина?

Все замолчали. Яванов отвернулся от окна и посмотрел на Пышкуна.

Шапиро медленно поставил чашку на стол:

– Ты думаешь, что...

– Я ничего не думаю, – отрезал Пышкун. – Просто вспомнил.

Иргит осторожно кашлянул:

– Председатель – человек семейный. И жена у него... сама знаете, кто. Вряд ли.

– А кто ж тогда? – Пышкуна явно озаботила Ниночкина проблема.

Шапиро хмыкнул:

– У меня жена в налоговой. Она меня быстрее удавит, чем я на сторону посмотрю.

Иргит вздохнул и поднялся:

– Ладно, не узнаем мы этого никогда. И вообще, пора уже делами заняться.

Толкачёв, развалившись в кресле, произнёс, делая голос как можно ниже:

– Главное, чтобы по положению. А чей – не наше дело.

Иргит согласно кивнул. В дверях появляется Клюкин с хмурым лицом.

– Господа, пора и поработать. У нас повестка.

Все поставили недопитые чашки и поспешили в зал заседаний.

– Пункты повестки у всех на планшетах. Вопросы формальные, всё давно согласовано. Предлагаю пройтись быстро, без лишних дискуссий. Кто за?

Все дружно кивнули. Девушка за перегородкой активировала ВАРД.

– Пункт первый. Утверждение итогов прошлого заседания. Возражения? Нет. Принято!

– Клюкин спешил, и все это заметили.

– Пункт второй. Отчёт ревизионной комиссии. Господин Шапиро, прошу, кратко. Тот пробубнил, не поднимая глаз:

– Всё в порядке. Рекомендую утвердить.

– Утвердили. Пункт третий. Квартальный бюджет. Цифры те же? Утверждаем.

– Пункт четвёртый. Кадровые перестановки в филиалах. Все согласны? Да? Да.

– Пункт пятый. Стратегическое партнёрство с «Технопромом». Вопрос решён. Подписываем? Подписываем. Так, уточняю, что у нас три стороны, ещё «Точка-Точка».

– Простите, надо верно записать, «АО Точка-Точка-Запятая», – Иргит вспомнил, что новенькая не в курсе сокращений и может напутать.

– Да, да, верно, – спохватился Клюкин и продолжил: – Пункт шесть. Сложный. Центр исследований и разработок в Градславле. Плюсом этого проекта является автоматический завод с отдельным управлением и конструкторским бюро. Люди подобраны, начиная с директора и нескольких лучших управленцев. Договор по газу имеется. Земля приобретена, стройку надо начинать уже вчера, как вы понимаете. Кто за?

Пышкун дёрнул руку вверх, но поспешил вернуть её на место:

– Аркадий Васильевич, а чем конкретно этот центр будет у нас заниматься? Надо бы в документах указать, дать пояснения. Здесь у нас будет много бумагомарания.

Иргит, Шапиро и Токачёв дружно закивали:

– Вот, вот. Тут нельзя допустить ни проволочек, ни накладок. Расходы же!

– Надо всё по правилам, чтоб ничего не упустить. Иначе – беда!

Клюкин откинулся в кресле и посмотрел на молчавшего Яванова:

– Да, всякие дела с машинерией, нейросети, гата-интерфейсы, развитие ВАРД... Короче, туды-сюды, автоматизация всего и вся. Ну, ты же знаешь. Верно, Иванмихалч?

Яванов важно кивнул и добавил, перестав коверкать слова:

– Учтите, в центре надо развернуть полноценную вычислительно-аналитическую распределяемую динамически сеть из, э-э, десяти тысяч процессоров.

– Да, да, спасибо Иванмиахлч! Действительно, ВАРД науке и заводу нужен.

– Кстати, а кого поставим-то? – задавая вопрос, генерал увеличился в размерах.

Председатель оторопело посмотрел на Толкачёва:

– Директорствовать станет господин Туманов, всем нам хорошо знакомый.

– О! Константин Павлович! Валерианского надо ему в помощники!

Все тут же согласились, закивали головами.

Но тут нахмурился Шапиро:

– А назвать-то как это чудо? Маркетинг подключать будем? Сумма-то возрастёт!

У финансиста крутилось: «Туман командует туманом, туманно утро поутру!»

Зампред не знал, не понимал – о чём идёт речь. Нейросети? ВАРД? Гата-интерфейсы? У него были юридическое образование, докторская степень по экономике и диплом МВА. Поэтому в технике и прочей ерунде он не то, чтобы разбирался, и назначение центра научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ он понимал, только исходя из расшифровки аббревиатуры, то есть, весьма смутно.

Ключин посмотрел на планшет: «Первый час дня!»

– Так, как я сказал, центр автоматизации. Нечего здесь пиарить, господа. Наука же.

Девушка без имени застыла. Она не поняла того, что увидела и услышала: «Ой. Графа с названием. А что писать-то? Туды-сюды? Что это такое?» Директора продолжали говорить, время шло: «Нельзя встревать!» Ей надо продолжать вести протокол, но пустая строка не позволяла вернуться к нему: «Мамочки, а если неправильно запишу? Автоматизация? Центр? О! Есть строчка для пояснений! Центр автоматизации – в пояснения, туды-сюды – в название. Ударение где?» – и она записала название.

Яванов снова кивнул:

– Та. Скай-наук-ка унд пиар нонсенс.

Клюкин с облечением произнёс:

– Так, сейчас протокольчик заверим, и поедем все домой. Пора бы уже. Час дня!

Шапиро удивлённо уставился на планшет: «Двенадцать часов, тридцать одна минута! Боже мой, мы прозаседали с этой ерундой больше часа! Ох, Ниночка!»

Все взяли свои планшеты. Загрузилась первая страница протокола. Семь пунктов.

Каждый приложил электронный ключ. Тихое гудение сопровождало принятые данные.

Протокол завершен. Только планшет Толкачёва мелодично звякнул.

Сотрудники ОКС занялись документами «Туды-Сюды Автоматизации» около трёх часов дня. Увидев название, начальник ОКС удивился и немедленно написал секретарю Клюкиной вопрос: «Надо уточнить название центра НИОКР! Какая автоматизация?!»

Откуда ему знать, что личный секретарь Клюкиной отправился в Москву?

Секретарь сидел в аэропорту, злой. С негодованием он высказывал служащему: «Багаж? Где мой багаж? Вы зачем меня задержали?! У меня нет багажа! Какая проверка?»

Прошло два часа. Начкапиталстроая так и не дождался ответа от секретаря. Он решил, что отправит всю документацию в юридический отдел, а пока они там занимаются своими вопросами, он созвонится с гендиректором и выяснит, что же там с названием.

Виталий Ахметович, как ответственный человек, на звонок ответил:

– О! Здравствуй, Павел Григорьевич! Что-то срочное?

Начальник капитального строительства услышал детские голоса, звон и музыку.

– Ты, это, не тяни, у меня тут детский спектакль, домашний театр!

– Уважаемый Виталий Ахметович! Тут с названием центра НИОКР странность.

– Какая ещё странность? Центр автоматизации, как написано, так и делай.

– Ну, деда-а! Драконы не говорят по телефону!

Павел Григорьевич решил, что он сделал всё, что мог, и попрощался.

Потомственный юрист Небогатов знал, что богатство даётся тяжким трудом, а не так, как в кино – добывается с пистолетом в руках. Он смотрел на слова в названии, и недоумевал: «Они там сбрендили? Или это новая такая тенденция – названия из старомодных слов составлять? Автоматизация? Ничего, что у нас двадцать первый век?»

Он запросил уточнений у секретарей председателя, гендиректора и финдиректора.

Ответ ему пришёл только от секретаря Семёна Яковлевича: «Там всё есть и норм».

Клюкин вечером той самой пятницы дёргался и бегал в туалет. Жена переживала и спрашивала, не вызвать ли скорую: «Тебя снимают, что ли? Может, ты кофе много пил?»

Он старательно удалял сообщения: «Спс. Крч, ма верит, что парн из Тюмень. Цифирька нужна на кв. Чмк». Он написал: «Всё решим. Зпс. Чмк». И тут же стёр контакт.

Когда встал вопрос о переименовании, председатель совета, усмехнувшись, заявил:

– Вот что, господа. Не хватало нам ещё и здесь опозориться. Изображаем, будто так и задумано. С юмором делаем серьёзные дела. Полагаю, здесь нечего обсуждать.

Все участники очередного пятничного заседания закивали головами, спеша по домам. Кому хочется после целого часа обсуждений важнейших вопросов бизнеса заниматься такой глупостью, как смена вполне приличного названия центра НИОКР?

Проблема возникла у Ростислава Станиславовича Валерианского, когда он получил должность руководителя направления технических инноваций. Его стали называть «Нати, туды-сюды-автомат наш!» – по первым слогам названия его должности.

– Ну, вот как мне заниматься серьёзными делами, если вот чего придумали?!

Этот вопрос он жевал и пережёвывал почти полтора года, с момента своего назначения. Он бы не остановился, если бы не обнаружил, что от него ждут каких-то больших дел. А он ни сном, ни духом не ведал ни о каких больших технических делах, не смотря на семь высших образований, три кандидатских и две докторских степени.

Вэ-эР – так его с уважением называли подчинённые, – стоял в дверях своего кабинета. Он с тоской разглядывал награды и бумаги в рамках, украшавших стену за креслом: «Заслуженный регулятор макроэкономических процессов», «Почтенному высоконаграждённому», «Постоянно ответственный руководитель», и ещё пять грамот.

Он вздохнул, и вразвалочку направился мимо длинного дивана с серой обивкой, который тянулся вдоль стены, на которую падали широкие лучи утреннего солнца.

Добравшись до массивного стола из натурального дерева, со встроенной аппаратурой связи и сигнализации, Вэ-эР перевалился через угол столешницы прямо в любимое кресло. Рухнул в него и тут же выпустил из себя воздух, вытянув губы трубочкой. Чихнул. Он ощущал, как гудела его голова, билось сердце и дрожали ноги.

«Вроде не трясло по дороге. Лифт у нас отличный, ходкость – мягче не бывает», – размышлял он о благоустройстве подведомственного ему здания. «Хорошо, части здания», – привычно поправил он себя. Потом он расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

«Машин-то машин! А говорят, что у нас кризис! Куда там!» – продолжал он переживать о состоянии города и области. После этого он нашёл среди нарисованных на столешнице иконок у правой его руки ту, что с чашкой кофе, и с усилием надавил большим пальцем на неё.

Вэ-эР откинулся в кресле, закрыл глаза и принялся ждать, когда же принесут кофе.

Дверь не открывалась слишком долго, и Вэ-эР заёрзал в кресле.

– Валерианский, – хрипло произнёс он, наклонившись вперёд.

«Микрофон вроде здесь ставили?» – попытался вспомнить он схему управления.

Ничего не произошло.

– Валерианский! – громче повторил он.

Ничего не происходило.

– Ва-ле-ри-ан-ски-ий! – натужно по слогам выговорил Вэ-эР и закашлялся.

Ни звука. «Он же говорил, что пищать должно, индикация включится!» – Ростислав Станиславович разозлился, и принялся нажимать на все кнопки подряд.

– Я что, не могу позволить себе заболеть чуточку? Я с температурой пришёл!

На короткое время в горле исчезли зуд и першение.

– Дурацкая ткань эта ваша! Тыкаешь, тыкаешь в неё, а ничего не происходит! Что за глупость! Гаты-варды-марды проклятые! Придумали, тоже мне!

Он закашлялся. В кабинет залетел техник. Вэ-эР заорал:

– Вы где ходите, вашу дивизию?! Вас никогда нет на месте! Даром, что красный!

Кашель и крик остановили техника. Он потерял дар речи, застрял в дверях и смотрел на начальство в ожидании. На шее человека в спецовке подёргивалась жилка.

Из коридора в кабинет ворвались звуки разговоров и запах утреннего кофе – женщины в бухгалтерии постоянно нарушали запрет, и никто ничего сделать не мог. Впрочем, это попросту невозможно. И страшно невыгодно. Вэ-эР довольно быстро с этим смирился, но затаил обиду и решил: дать задание Белочкину создать такую систему, которая бы не позволяла сотрудникам нарушать запреты начальства.

Валерианский, с этой мыслью в голове, уставился на человека в спецовке и с ящичком приятного серого цвета в левой руке. В своём взоре Вэ-эР старался выразить праведный гнев и начальственную требовательность. Но через секунду он понял, что подчинённый сейчас нужен для ремонта. К тому же, ему вспомнился совет врача: «Вам бы поменьше нервничать». Справившись со своей яростью, он, не протягивая свою короткую толстую руку, только выгнув указательный палец, примирительно произнёс:

– Так, почините мне эту вашу ткань, пожалуйста.

Техник без слов понял запрос высокого начальства, торопливо зашевелился, двинулся к столу завотделом. На ходу человек в спецовке поднял свой ящичек, открыл его и принялся копаться в нём правой рукой. Он почти не дышал и забыл взять очки-авирчи.

Вэ-эР сидел в кресле с налитым кровью лицом, наблюдая за вознёй техника, которому приходилось туго: большое тело начальника мешало ему подойти к встроенной в стол аппаратуре, и он полез вниз. Там он глухо вскрикнул, когда ударился головой.

Затем что-то упало, звякнув. Техник чертыхнулся.

До Вэ-эР дошло, что сейчас у него в кабинете кроме неисправной аппаратуры появится неисправный техник. «Это уже какая-то медико-клиническая и почти уголовная ситуация получается!» – подумал он и осторожно, стараясь не задеть ногами кряхтящего под столом техника, встал. Его взгляд случайно зацепил лежащие на полу тёмные очки для доступа к интерфейсу пульта управления. Справа он отметил на авирчах трещину.

«Ну? Вот! Порча имущества! И что с ним делать? Работнички!»

Ростислав Станиславович отодвинул кресло, отслеживая движение руки техника. Тот подобрал очки, надел их и стал похожим на курьера, который летит на электросамокате по тротуару, объезжая прохожих.

Вэ-эР отошёл к окну и попытался открыть его.

Он дёрнул ручку на створке. Та не поддавалась. Вэ-эР закипел. Дёрнул ручку с такой силой, что внутри стеклопакета что-то затрещало. Окно не открылось.

Неизвестно, чем закончилась бы эпопея с окном, но тут пульт включился, запищал. По столешнице пробежала волна вспышек инициализации интерфейса. На левом краю стола появилась салатного цвета полоса сигнала соединения с вард-сетью центра.

Техник, взмокший, но довольный собой, поднялся на ноги и отrapпортовал:

– Всё готово, господин Валерианский! Всё работает!

Окно оставалось закрытым. Вэ-эР вздохнул. Техник без слов подошёл к окну. Провозившись минут десять, он открыл обе створки, заменил механизм и ручку.

Через техника Вэ-эР вызвал Белочкина. Он решил не доверяться интерфейсу.

Немедленно начал допытываться у начальника бюро всяких технических новшества, когда тот прибежал: «Возможно ли оперативно, то есть, немедленно, изобрести, собрать и установить что-то эдакое, которое молниеносно изучит привычки «хорошего человека, моего знакомого, он тоже директор», и станет выполнять все необходимые действия автоматически, без задержек, объяснений и напоминаний?»

– Вот, представь себе! – перешёл на панибратское обращение Вэ-эР. – Представь, заходит человек в кабинет, а тут сразу свет регулируется, связь включается, окно там открывается или закрывается. Чайник закипает, кофе...

Тут Вэ-эР чихнул. Потом дважды кашлянул. Чихнул снова.

– А главное, приказы, приказы чтоб понимал, даже если, вот, видишь, я кашляю?

Белочкин медленно кивнул. Поправил зелёный бейдж. Ещё раз кивнул, но уже быстро, и немедленно записал пару идей в свой блокнотик на планшете.

Вэ-эР поинтересовался:

– Что же вы придумали, мой дорогой изобретатель?

Белочкин-Уральцев вскочил с кресла. Подняв над головой планшет, заговорил:

– О! Господин завенап! Ой, простите, Ростислав Станиславович! Секретаря!

– Секретаря?! Вы мне предлагаете распылять средства корпорации на мой уют?

– Нет, нет, что вы такое говорите! Автосекретаря! Технически это легко сделать.

– Так, погодите. Андрей, э-э, Андрейч, вы сейчас ещё хуже предложение внесли.

– Почему? – спросил Белочкин упавшим голосом и сел обратно в кресло.

– Ну, вот смотрите. Нанять, говорите, секретаршу. Это харассмент, во-первых.

Инженер молча слушал, выпучив глаза на Валерианского.

– И должности такой нет. Далее, если секретарь – мужчина. Что получится?

– Что? – прошептал Белочкин.

– Получится, что мне тут нечего делать! Ведь секретарю-мужчине, простите, надо во всех делах тут разбираться, в деталях прям разбираться. Это женщине можно быстренько всё объяснить, и она молниеносно всё сделает, не задавая лишних вопросов!

Белочкин побледнел и перестал дышать.

– Так вот. Это ещё и платить надо ему. Ведь не уборщик же, секретарь директора! Андрей Андреевич поник головой.

– Не расстраивайтесь, Андредрейч. Вы что-то же предлагали? Может, я не понял?

– Автосекретаря, Ростислав Станиславович, – прошептал Белочкин.

– Ах, да! Автосекретарь! Вот как эта ваша ткань, простихосподи! Да?

Вэ-эР приподнял руку над столом, согнул её в локте и его указательный палец протянулся к индикаторам и нарисованным кнопкам.

Белочкин отлично представлял себе, что именно произошло в кабинете утром. Ему было стыдно. Обработчик речи не распознал голос Вэ-эР, потому что тот простудился. Всю аппаратуру в здании центра НИОКР «Туды-Сюды автоматизация» проектировали в его отделе. Белочкин проектировал. «Ну, вот. Вот как?! Мы же всё предусмотрели! Или нет? Прогеры! Опять эти миллионщики-прогеры! Вээру хорошо говорить – растрата! Мне что делать тогда?!» – горестно размышлял Белочкин.

– Ну, ну, мой дорогой изобретатель!

Валерианский определил намётанным взглядом, что подчинённый, его главная надежда добыть кресло директора, находится в полной растерянности и сейчас заплачет.

Белочкин поднял голову. Он попытался сделать своё лицо спокойным и уверенным. Предательски дрогнула губа. Лоб прорезали вертикальные складки.

– Так вот. Автосекретарь. Если вы мне тут сделаете умника в программе...

Вэ-эР сделал ударение на последнем слове, но предложение намеренно не закончил. Он знал, что сказанного уже достаточно.

Белочкин вскочил.

– Я понял, да! Конечно! Конечно, Ростислав Станиславович!

– Вот, идите. Работайте! – прогундосил Вэ-эР.

Инженер-конструктор вылетел из кабинета так стремительно, что хлопнуло окно.

Валерианский вздрогнул: «Что ж такое! Ни чихнуть, понимаешь, ни вздохнуть!»

Глава 3. Пусть бежит вода в реке

Парень в кровати у противоположной стенки мирно похрапывал. Что здесь делал этот парень, Типау не понимал. Он продолжал выводить формулы на листочке.

Его отвлек шум. Он повернул голову к двери, увидел, как она открылась.

В палату вошёл высокий человек. Типаурангай внимательно оглядел вошедшего.

– Здравствуй, Типау.

Спустя секунду тот ответил:

– Здравствуйте.

Кранин подошёл к кровати, пододвинул стул и сел.

Стул скрипнул под весом Михаила. Он спросил ровным густым басом, тихо:

– Неужели не помнишь меня?

– Нет. Кто вы?

Михаил растерялся: нельзя напоминать человеку о причине его срыва. Ответил:

– Мы друзья, много лет. Просто сейчас ты болен. Талмара тоже не помнишь?

– Нет. Не знаю. Я устал. Понимаю только, что Элли нет, а я – в больнице.

Парень у стенки начал бормотать во сне. Типау вздронул.

Потом он поднял руку с листочками, посмотрел на них. Кранин ждал. В тишине сопел сосед по палате. Через дверь доносились обрывки слов. В стеклопакет ударила клювом птица. Кранин смотрел вдаль. Снег медленно падал хлопьями.

– Спасибо, – хрипло произнёс Типау. – Кажется, я обидел вас. Тебя. Ты меня...

Кранин торопливо заговорил:

– Да, да. И Талмар. Он просто сейчас по делам на другой край страны улетел.

– Спасибо. Долго я здесь? Врач говорил, но я забыл.

– Пожалуйста, дружище. Полгода. Почти. Сейчас уже март тридцатого года.

– Ясно, – снова прохрипел Типау.

Кранин сидел, наблюдал, как его друг лежит, закрыв глаза: «Лицо камнем, как и тогда». Ему вспомнился тот страшный день, как пришлось сначала удерживать Павла Васильевича, потом везти их с Ниной Павловной до родового дома в деревеньке.

Вспомнил, как он, испугавшись тишины в квартире Елены и Типау, вызвал Акматова-Шагапова, чтобы вместе с участковым сломать дверь в квартиру.

Типау лежал на полу. Каменное лицо. Двигались только губы. Кранин едва слышал: «Они будут жить вечно. Не позволю. Будут жить вечно».

В палату вошла медсестра. Михаил засобирался.

Типау открыл глаза и протянул нарисованные на листочках формулы:

– Здесь негде хранить записи. Храни ты. Бумагу тоже вы принесли? Талмар?

Михаил кивнул.

Типаурангай произнёс как заклинание:

– Они будут жить вечно.

Потом добавил:

– В реку нельзя войти дважды, нельзя войти дважды, но пусть бежит вода в реке, я помню всё, что было, и я верну то, что было, – это круговорот воды в природе.

Кранин не ответил. Только кивком попрощался. Выйдя из палаты, он дождался врача, с которым Талмар и он договаривались о лечении. Тот подошёл спешащим шагом, но руку, протянутую для рукопожатия, проигнорировал.

– Здравствуйте. Скажите, что там за человек лежит? У нашего Мамалетау-а-Рахи?

– А... – начал говорить врач, дёрнув плечом, – знаете, с местами сейчас не очень.

– Достаточно ли средств на то, чтобы моего друга привели в порядок?

– Видите ли, я не могу вам точно сказать.
– Почему? Всё плохо? Он говорит нечто бессвязное, меня не узнал.
– Это обычное явление. Сознание у него приходит в норму, но...
– Скажите, он не двинулся, случаем? Когда он перестанет молотить чужь?
– Неизвестно, сколько понадобится времени на то, чтобы восстановить человека после такого срыва. Это очень индивидуально.

– Но средств хватает?

– Да, да. Не беспокойтесь, Михаил Борисович!

– Всё же, убрали бы вы того парня. Какой-то он странный.

Кранин сказал это, развернулся и зашагал к лестнице.

– Подождите!

Он остановился. Врач быстро подошёл.

– Что ещё?

– Ему нужен собеседник. Да, я помню, мы договаривались. Простите, обманул я вас. Но это необходимо. У вашего друга были галлюцинации. Он видел тех, кого нет.

– Что?!

Кранин навис всем телом над маленьким доктором.

– Да. Как выразились вы, он мог свихнуться. Но этого не случилось, к счастью.

– Вы уверены?

– Он понимает, где находится. Он чётко понимает, что ... Елены нет.

– Ясно. Сделайте всё, что необходимо. Пожалуйста.

– Мы и так делаем всё, что от нас зависит.

Дома Кранина встретили детские визги, запахи жареной картошки и стирки.

Ирина, в прошлом одноклассница Елены, встретила мужа, выглянув в прихожую. Она наклонилась корпус, стоя на одной ноге, и тихо спросила:

– Как он?

Кранин покачал головой. Ирина выпрямилась, вышла к двери. Обняла Михаила:

– Бедный. Элли бы его не бросила. Что ж он так переживает, глупенький?

– Так и мы вроде не бросили...

– Да я не о том!

– Не понял. Или понял. Второй? Будет второй?

Ирина засмеялась:

– Да-да-да! Что, мой косолапый Мишка? Готов стирать и гладить бельишко?

Кранин вернулся в палату через три дня.

Типау отвернулся от окна и, глядя в потолок, спросил:

– Скажи, ты сейчас чем занимаешься? В лаборатории.

– Доставкой металлов в клетки. Фармзаказ: нужно, чтобы противоопухолевый комплекс проходил мембрану и высвобождался внутри. Используем фотоактивируемые хелаторы, – это гидрофобные «челноки». Один у-эф-импульс и они распадаются, оставляя платину в цитоплазме. Простая задачка.

– Иридий тоже можно доставить клетку?

– Иридий? Ну, брат! Иридий мало реакций даёт. С платиной куда проще.

– Жаль. Было бы интересно.

– Что интересно?

Типау повернул голову, не поднимаясь с подушки, его уши приподнялись, подбородок заострился. Кранин увидел, как натянулись жилы на шее друга.

– Я подумал, что если построить цепочку из тяжёлых атомов? Элемент получится.

– Какой элемент? Ты о чём? – Михаил взялся за худую и холодную руку Типау.

– Переключатель. Меньше просто не бывает. Жизнь в нескольких атомах.

Микробиолог посмотрел в окно. Небо в облаках, сильный ветер ощущается по тому, как растянулись грязно-белые одеяльца. Под ними пролетела птица.

– Вообще-то, если вместо простого комплекса скормить клетке искусственные нуклеотиды с металлоцентрами, она может начать строить полимерную цепь по аналогии с ДНК, но с иридием. Скажем, в Японии уже пробовали получать металлополимеры внутри бактерий. Пока сыро, но принцип работает.

– Хорошо. Видишь. Хорошо!

Наступил особый день. Типау встретил Акматова и Кранина улыбкой.

Талмар, который приходил в больницу реже Михаила, обрадовался так, что едва не раздавил в своих объятиях исхудавшего Типау:

– Ну, вот, здоров! Поехали уже, мы тебе квартиру подыскали.

На лице человека в пижаме мелькнула тень. Он сел на койку.

– Ребят, куда я сейчас? Мне домой надо.

Типау сидел на кровати, поджав под себя ноги, и смотрел в окно. За стеклом зеленела больничная липа, в ней возились воробьи. Кранин подошёл и встал у подоконника, скрестив руки. Акматов-Щагапов привалился плечом к дверному косяку.

– Слушай, ну реально, – Кранин отлепился от подоконника и прошёлся по палате. – Там каждая вещь орёт про неё. Ты туда заходишь – и всё, абзац.

Типау промолчал. Лена появилась рядом с двоюродным братом, посмотрела на него, потом на сидящего по-турецки, развела руками и чуть наклонила голову.

– Мы тебе оч-хорошую хату нашли, – подал голос Акматов. – Двушка, тихий район, птички по утрам. От старой – только твои шмотки и доки. Фотки... сам решишь.

В палату заглянул врач, тот самый, которого Кранин в прошлый раз чуть не придавил своим огромным ростом в коридоре. Талмар кивнул на Типау.

Маленький доктор, снял очки, и принялся их протирать:

– Вам нужна смена обстановки. Прежнее жильё – триггер. Вернётесь туда – снова сорвётесь. Мы не можем этого допустить. Для вашего организма это серьёзная нагрузка.

Типау развернулся на койке, которая скрипнула соловьиной трелью, и посмотрел на врача, потом перевёл взгляд на Кранина.

– Ладно, – сказал Типау без выражения, тусклым голосом. – Переезжаю.

Кранин с Акматовым переглянулись. Это «ладно» прозвучало так, будто Типау согласился на что-то неважное, как замена перегоревшей лампочки.

Выписали его, когда за окнами уже вовсю жарило солнце. Он вышел из здания клиники, щурясь, в новых очках в металлической оправе. Молча сел в машину Кранина и всю дорогу смотрел в боковое стекло. Дома, деревья, люди на остановках – обычная жизнь, в которую он возвращался.

Квартира оказалась светлой, пустой. Пахло свежей побелкой. В углу гостиной Кранин с Акматовым уже поставили диван и стол.

На стене висел портрет родителей Типау. Он подошёл и поклонился.

Повернулся к друзьям:

– Спасибо, ребята.

Первое время Типау редко выходил из дома, только вечерами гулял. Деньги зарабатывал, как придётся: кому диссертацию подправить, кому расчёты проверить.

Кранин заезжал раз в неделю, ставил на кухне контейнеры от Ирины. Короткие беседы на обыденные темы, наводки на заказы. Потом уезжал.

Как-то приехал Талмар, и они играли в шахматы. Талмар побеждал и удивлялся.

Но однажды, месяца через три, Михаил застал Типау за столом. Повсюду валялись испитые листы, планшет светился какими-то схемами.

На столе, рядом с монитором стояла фоторамка «Дигма».

Лена в родной деревне. Маленькая Лена, её на руках держит папа. Лена в школе. Лена в аквапарке, толкает Типау в воду. Кранин увидел себя, Лену, родителей, даже Павла, обнимающего жену и дочь. Семья. Присмотрелся к тому, что пишет математик:

- Твоя теория? – спросил он. – Мутирующие автоматы?
- Ага. Однако не забыл, восстанавливаю.
- Приезжай к нам, – просто сказал Михаил.
- Завтра. Суббота ведь, да?
- Ага.

Типау приехал к вечеру. Они расположились на кухне. Маленький Валерка с любопытством рассматривал гостя, потом забрался к нему на колени и засыпал вопросами обо всём на свете. Кранин с довольным видом наблюдал, иногда вставлял словечко.

Мальчишка выпросил мультитул, который Типау ему показал, и умчался с подарком. Ирина выглянула из кухни, вытирая руки полотенцем.

– Ди, ты его балуешь! Ты знаешь, он уже серьёзный мужчина! В садике у него случился первый краш. Я в шоке!

«Тот, в кого влюблён без памяти, объект обожания. Глупое, лёгкое слово, совсем не про меня», – подумал Типау. Но на мгновение перед глазами встала Элли: она сидела на подоконнике, болтала ногами и смеялась, называя его «мой краш» нарочито по-детски, чтобы подразнить. Он моргнул и видение исчезло.

Ирина, заметив, что он смотрит куда-то в угол, проследила за его взглядом. Там ничего не было, только пустая стена.

- Ди? – окликнула она. – Ты чего?
- Ничего. Задумался. Ты права, из него выйдет отличный инженер.
- «Ой, неужели опять тараканчики?! Как жить? Фу!» – подумала Ирина, глядя в угол.

Математик стал появляться в этом доме всё чаще.

Однажды, когда Талмар, редкий у Краниных гость, уже уехал домой, Ирина, подливая Типау чай, спросила заговорщицким тоном:

– Слушай, ты в «МозгоБой» играешь? Там такой уровень, что я уже неделю залипаю, полный кринж. Может, глянешь?

Типау взял планшет. На экране светилась логическая головоломка, в которой требовалось провести героя через лабиринт, переключая элементы. Он поводит пальцем, что-то прикинул и через минуту вернул планшет.

- Ого, – Ирина уставилась на экран. – Ты просто взял и снёс его?
- Там очевидно, – пожал плечами Типау.
- Ага! Я чуть не тильтанула, а он – «очевидно».

Типау снова слабо улыбнулся: Ирина произнесла эти слова так же, как его Элли.

Они сидели на кухне втроём.

Ирина убирала со стола, Кранин листал новости на планшете.

Типау смотрел в окно, где ветки тополя колыхались в свете фонаря.

– Ленча, я всё думаю и думаю, – тихо сказала Ирина, ни к кому не обращаясь. – Ведь я не поехала с ними в тот август. Я часто думаю об этом.

Элли часто говорила: «Мы с Иришкой – лп-шки навек». Ему почудилось, что за его плечом стоит Елена, положив руку на спинку стула, и улыбается. Он не обернулся, он знал, что её нет в отражении оконного стекла. Знал, и всё же чувствовал тепло её ладони. Он прикрыл веки, останавливая слезу.

Кранин поднял глаза от планшета:

- Ириш, ты, правда, думаешь, что изменила бы что-то?
- Конечно, Мишань! Но... – она запнулась. – Может, если бы я была там, она не полезла бы на тот склон одна. Или полезла бы, но я бы её остановила. Или...

– Или ничего бы не изменилось, – мягко перебил Кранин. – Ты же знаешь Элли. Если она что-то решала, то всё, её не сдвинуть. Даже тебе.

– Да. Но я не знаю, – повторила Ирина и замолчала.

Типау не проронил ни слова. Он по-прежнему смотрел в окно, и Ирина заметила, как уголки его губ чуть дрогнули, не то улыбкой, не то – судорога. Она снова проследила за его взглядом. За окном не было ничего, кроме тополя и фонаря. Но ей показалось, что он видит там кого-то: «Наверное, кошка. Опять от соседей сбежала, с балкона прыгнула».

В поликлинике Типау оказался вынужденно, продлевал медицинскую страховку. Он сидел в пластиковом кресле, листая макс-канал «РБК». «Никто не запрещает пользоваться средствами связи, но безопасность гарантируется только в замесах», – усмехнулся он, читая предупреждение и ненавязчивую рекламу законных мессенджеров.

Мягкий звук – «тынь». На информационном экране поликлиники замелькал корпоративный ролик. Бодрый голос диктора разнёсся по коридору:

– Система рангов доверия – ваш пропуск в будущее! Красный – вы можете у нас работать! Оранжевый – вам доверяют! Жёлтый – вы надёжный специалист! Зелёный – вы опора компании! Голубой – вы входите в элиту! Синий – вы принимаете решения и развиваете бизнес! Фиолетовый – вы открываете путь в будущее и потому неприкасаемы!

Рядом с Типау сидел парень лет шестнадцати, в толстовке с капюшоном в такую жару, и, не отрываясь от телефона, прокомментировал вслух:

– Ага, неприкасаемые. Клоуны. Полный треш. У них там, небось, одни душники и токсиканы в фиолетовых бейджах сидят.

Типау не ответил. Он смотрел на экран, где разноцветные человечки маршировали по радуге. Красные внизу, фиолетовые наверху. Всё просто, наглядно, доступно даже ребёнку. «Ресурсы, – подумал он. – У них ресурсы. Лаборатории, оборудование, материалы, вычислительные мощности. Всё, чего у меня сейчас нет. Всё, что нужно».

Он оборвал себя. Рано. Сначала восстановить теорию. Довести до ума. Уже потом стоит искать доступ. «Мишка, Мишка. Я знаю, ты хочешь достижений. Вот он – путь!»

Вечером, в своей съёмной квартире, он сидел напротив портрета родителей. Мать и отец, застывшие в вечности, смотрели на него с любовью и спокойствием.

– Вы будете жить вечно, – прошептал он и поднялся.

В углу комнаты, на краю зрения, мелькнул знакомый силуэт: женщина в джинсах и рубашке кофейного цвета. Она улыбнулась и исчезла.

Типау моргнул и вернулся к работе. Он знал, что её нет. Но пока он видел её, у него была цель, – то единственное, что держало его в этом мире.

Глава 4. Хорошо у тебя дома

В квартире Краниных пахло ужином. Ирина, в простом коротком платье, с наушниками на голове, возилась на кухне, варила настоящий борщ. Она кивала в такт песне и подпевала: «Скоро снег придёт на смену...»

Мальчишки, пользуясь отсутствием отцовского надзора, устроили в большой комнате сражение роботов-трансформеров.

Михаил прошёл мимо них в спальню, плотно прикрыл дверь и набрал номер Типау. За окном уже стужались сумерки. В распахнутое окно врывается вечерний бриз, тюль шелестел, колыхаясь вместе с набегающими волнами лёгкого ветерка. Этот звук смешивался с городскими звуками, чириканьем птиц и далёким кошачьим криком.

Гудки шли долго. Михаил уже хотел сбросить, когда услышал «клик» и сонное:

– Алло.

– Слушай, Ди! Ты что такое сделал?

– В чём дело? По какому поводу? – Не понял тот спросонья.

– Спишь уже, что ли?

Не дождавшись ответа, Кранин продолжил, усмехаясь:

– Ты мне голову не морочь! Я вижу, что камера отключена.

– Ну. Отключена. Я спал, правда. Давно так не спал хорошо.

Михаил почувствовал укол совести. Разбудил человека, который, возможно, впервые за долгое время нормально уснул. «Ёшкин кот! Но когда звонить?»

– Ох, ну, прости. Мне сказали, что ты студентке, ой, аспирантке диссертацию переписал полностью, там ничего не осталось от прежних результатов!

– Да, я написал хорошую работу. Замечаний никто не высказал.

– Потому что она испугалась! Что ты такое сделал с ней?

Типау замер. Посмотрел на смеющуюся Элли. Она сидела на подоконнике, раскачивала головой, болтала ногами. Он моргнул. Элли осталась. Он улыбнулся и сказал:

– Я могу переделать. Но это займёт много времени и будет стоить...

В трубке повисла пауза. Михаил представил, как Типау сидит в своей полупустой квартире, смотрит в одну точку. Это было страшно и одновременно обнадеживало: если он способен так радикально переработать чужую диссертацию, значит, мозг работает. Значит, он возвращается. Кранин спохватился и быстро заговорил:

– Не надо, не надо. Мне руководитель её звонил, он очень рад, что ты написал такую работу. Так и сказал – большое дело. Кажется, вы с ним с одной кафедры.

– Кто? Гаман? Или Кузнецов?

– Гаман.

– Ого, ничего себе. Не ожидал от него положительной реакции.

Кранин услышал, как на том конце что-то клацнуло. На экране телефона появилось изображение: Типау включил видеопоток. Он сидел в кресле, в той же рубашке, в которой Михаил видел его неделю назад, волосы всклокочены, под глазами тени. Но взгляд – взгляд прежний, живой, осмысленный, глаза горят зелёным. Кранин не удержался:

– О! Да у тебя свет включён! Ты с открытыми глазами спишь?

– Нет, я уснул, забыв выключить свет.

Кранин хмыкнул:

– То есть, ты не удосужился включить домового помощника?

Они оба рассмеялись. Этот смех, негромкий, с хрипотцой, стал для Кранина лучшей новостью за последние месяцы.

Отсмеявшись, Михаил сказал:

– Бедная девчонка, они ничегошеньки не поняла в этих записях!

– Да, я когда работал с ней, не видел Элл... элементарного соображения. – Типау осёкся на полуслове, но тут же выправился: – Элементарного, да.

Он видел Элли. Теперь, когда Александра ушла, унеся с собой часть его труда – новой теории зацепляющихся автоматов, Елена вернулась. На душе стало легче.

Кранин не заметил запинки, мягко поправил:

– Ну, ну, братец, не преувеличивай. Она разберётся. Насчёт твоего авторства... Не получится так, что ты за неё всё сделал, а она даже не упомянет?

– Я расставил ссылки на свои старые статьи в нужных местах, – ответил Типау. – Там, где использованы мои наработки, всё оформлено по правилам. Она не виновата, что её научный руководитель не читает текст.

– Ладно, тогда я спокоен. – Кранин выдохнул. – Ди, давай на выходных к нам. Поговорим ещё. Ира спрашивала. Старший скоро школу перерастёт, не заметишь!

– Хорошо. Приду.

Экран погас. Кранин ещё минуту сидел, глядя в тёмный прямоугольник телефона. Типау возвращался к жизни, медленно, через странные поступки вроде переписывания чужих диссертаций, но возвращался. И это было главное.

В субботу Типаурангай пришёл ровно к пяти, как договаривались. Он был в той же чёрной куртке, что и пять лет назад на похоронах, только теперь она висела на нём мешком – похудел ещё сильнее. Очки новые, с тонкой золотистой оправой. Волосы аккуратно зачёсаны, но седина уже заметна.

Ирина открыла дверь, улыбнулась, но улыбка вышла чуть напряжённой. Она всё ещё не знала, как с ним правильно обращаться – как с больным, как с другом или как с тенью Элли, которая незримо стояла за его плечом?

– Проходи, Ди. Мы как раз чай собрались пить.

– Спасибо, Ирина.

Он разулся, аккуратно поставил ботинки у порога, повесил куртку на крючок. Движения были медленными, выверенными, ни одного лишнего.

За столом уже сидел Кранин и листал какие-то распечатки. При виде Типау он отложил бумаги и широким жестом пригласил садиться.

– Давай, рассказывай. Что там с твоими цепляющимися автоматами? Ты в прошлый раз говорил, что нашёл способ минимизации.

Типау сел, принял из рук Ирины чашку с чаем, поблагодарил кивком. Сделал глоток, прежде чем ответить.

– Да. Правило минимизации зацепляющегося автомата, эквивалентного сети. Я вывел его... ещё тогда. Нашёл записи.

«Тогда» – это до Алтая, понял Кранин. До того, как всё рухнуло.

– И что оно даёт? – спросил он осторожно.

– Любую сеть взаимодействующих автоматов можно свернуть в один, если правильно подобрать состояния и переходы. Обратное тоже верно: один сложный автомат можно разложить на сеть простых. Это похоже на... – Типау задумался, подбирая слова, – на то, как работает живая клетка. В ней нет единого центра управления, но есть множество взаимодействующих элементов. Белки, РНК, мембраны – всё это автоматы, которые зацепляются друг за друга.

Ирина, сидевшая напротив, вдруг оживилась:

– Ой, а я помню, Ленча мне что-то такое рассказывала. Она говорила: «Мой Ди считает, что весь мир – это автоматы, которые цепляются друг за друга, как мы с ним». Смеялась. Я тогда не поняла ничего, а теперь, кажется, начинаю.

Типау едва заметно дёрнулся при упоминании имени – «Элли», пальцы крепче сжали чашку. Но тут же взял себя в руки и даже улыбнулся уголками губ.

– Она всегда умела объяснять сложное простыми словами, – тихо ответил он.

В этот момент дверь распахнулась, и в комнату влетел Валерка, старший сын Краниных. Следом за ним, едва поспевая, топал трёхлетний Эдик с круглыми от любопытства глазами.

– Пап, смотри! Я его починил, а он опять сломался! Всё. Потрачено!

Кранин рассмеялся, взял у Валерки игрушку, повертел в руках.

– Смотри, контакты погнул. Батарейка старая и дохлая, небось. Где взял-то?

– Я хотел, чтобы он быстрее бегал! Эдьке же скуч-шна! – возмутился мальчик.

Типау неожиданно протянул руку:

– Можно мне?

Валерка с сомнением посмотрел на него, но игрушку отдал. Типау повертел робота, прищурился, потом достал из кармана маленькую отвёртку, – замену той, что подарил, и выправил контакты. Постучал батарейкой об угол стола, поставил внутрь. Робот зажужжал и покатился по столу. Эдик, стоявший у стола, восхищённо захлопал в ладоши.

– Ух ты! – выдохнул мальчик. – А как вы это сделали?

– Просто вернул контакты в исходное состояние, – ответил Типау. – Они были нарушены, и сигнал не проходил.

– А что такое сигнал? – спросил Эдик, не выговаривая сочетаний согласных.

Валерка не решился ответить, а Типау на секунду задумался, потом сказал:

– Вот игрушка. У неё есть состояния: «стоит», «едет вперёд», «поворачивает». Сигнал – это команда перейти из одного состояния в другое. Если контакт сломан, то команда не доходит, и твой робот застревает в одном состоянии.

Эдик слушал, открыв рот. Потом спросил:

– А люди такие же?

Кранин напрягся, но Типау ответил спокойно:

– Люди – это очень сложные игрушки, то есть, автоматы. Слишком сложные, чтобы их починить отвёрткой. Но принцип похожий.

Валерка нашёл возможность вклинуться и быстро спросил:

– Значит, если у человека что-то ломается, его можно починить?

Эдик тоже заинтересовался.

– Можно попробовать. Но для этого нужно знать, как он устроен.

Дети ждали продолжения. Типау широко улыбнулся:

– Теоретически – да. Можно починить кого угодно. Если записать все состояния и все переходы. Но на практике это невозможно. Слишком много элементов. Мозг – это не просто сеть нейронов, это... – он осёкся, подбирая слово, – это история. Каждый переход между состояниями обусловлен предыдущим опытом. Чтобы воспроизвести личность, нужно воспроизвести всю её историю.

– То есть, запомнить её, – подсказал Кранин.

Типау поднял на него глаза. В них мелькнуло нечто, чего Михаил не видел уже очень давно: интерес и увлечённость. «Живём, живём!» – радостно подумал он.

– Да. Запомнить. И передать.

– Жалко, – вздохнул Валерка.

Ирина ойкнула и вмешалась:

– Валер, сбегай в магаз на углу? Пожалуйста! Да, мы договаривались, но не заказывать же один только хлеб! Что хочешь, возьми себе, ладно? Только не энергетики!

– Ладно, мам.

Кранин заметил, как дрожат руки Типау, когда он убирал отвёртку в карман. Разговор с детьми дался ему тяжелее, чем казалось.

– Валер, Эдьку с собой заberi! – крикнул Михаил в коридор. – И спать пора уже!

Из коридора донеслось неразборчивое, но явно недовольное бурчание старшего сына. Затем послышалось:

– Эдька, пошли!

Эдик, постояв секунду, прижал робота к себе и потопал за братом.

Типау поднялся, подошёл к окну. За стеклом темнел двор, горели редкие фонари.

– Хорошо у тебя дома, – сказал он негромко. – Шумно, весело.

– Так приходи почаще! – отозвался Кранин.

– Да. Я постараюсь.

– Проводить?

– Пойдём, подышим.

Они вышли на улицу. Мартовский вечер был прохладным, но безветренным. Под ногами хрустел подтаявший за день и снова замёрзший снег. Кранин накинул куртку, Типау свою даже не застегнул – шёл, сунув руки в карманы, и смотрел под ноги.

Некоторое время молчали. Потом Типау негромко заговорил, размышляя вслух:

– Знаешь, Мишка, я всё думаю про твои клетки. Ты говорил, что можно заставить их выращивать металлополимерные цепочки. Как ДНК, только с металлами, с иридием.

– Ну, говорил, – осторожно подтвердил Кранин. – Но это пока теория. В Японии что-то подобное пробовали, но до стабильных структур не довели.

– А если не просто цепочки? – Типау остановился и посмотрел на Кранина. – Если выращивать целую сеть? Чтобы клетка создавала не отдельные нити, а трёхмерную структуру. Как... как мозг.

Кранин замер. Мозг. Он уже думал об этом, с тех пор, как Типау снова начал говорить о своих зацепляющихся автоматах. Но сейчас, услышав это от Ди, он вдруг осознал: «Да, это возможно. Не сейчас, не завтра, но – да».

– Ты хочешь сказать... – начал он.

– Я ничего не хочу сказать, – перебил Типау. – Я просто спрашиваю. Можно ли вырастить структуру, которая будет вести себя как сеть зацепляющихся автоматов? Не на кремнии, не в программном коде, а в живом материале, таком, который состоит из полимеров, выращенных внутри клетки.

В голове Кранина закрутились образы: питательная среда, затравочная матрица, филаменты, тянущиеся в трёх измерениях, образующие узлы и связи...

– Металлополимеры, – пробормотал он. – Не белковые. Белки слишком нестабильны, слишком зависят от температуры и «пэ-аш». А металлополимеры могут быть прочнее, стабильнее. Если подобрать правильные лиганды...

– Иридий, – подсказал Типау. – Ты сам говорил, что он даёт стабильные связи.

– Но иридий – тяжёлый металл. Клетка его не примет просто так.

– Значит, нужно обмануть клетку. Заставить её думать, что это что-то нужное. Как ты делаешь с платиной в своих противоопухолевых комплексах. Марганец и железо.

Кранин остановился посреди пустой аллеи, под фонарём, вокруг ни души.

– Типау, – медленно произнёс он, – ты понимаешь, что предлагаешь? Вырастить мозг. Не белковый, не углеродный, а металлополимерный. Искусственный, но живой по принципу работы. К тому же, электрон-фотонные каскады в нём вместо импульсов тока.

– Я ничего не предлагаю, – Типау пожал плечами. – Я просто задаю вопросы. А ты на них отвечаешь. И, кажется, ты уже знаешь ответ.

Кранин глубоко вздохнул. Пар изо рта поднялся к фонарю и растворился в темноте.

– Если это получится, – сказал он, – то мы сможем создать вычислительную среду, которая по сложности не уступает мозгу. А может, и превосходит. И она будет... живой. В каком-то смысле.

– В каком-то смысле, – эхом отозвался Типау.

Они пошли дальше. Кранин молчал, но внутри у него всё кипело. Идея, подброшенная Типау – а он не сомневался, что Ди сделал это намеренно, своими кажущимися невинными вопросами, – пустила корни. Вырастить мозг. Не компьютер, не нейросеть в кремнии, а растущую, самоорганизующуюся структуру. Живую. Способную учиться, запоминать, хранить... хранить то, что нельзя забыть.

Он посмотрел на Типау. Тот шёл, глядя прямо перед собой, и на его губах блуждала едва заметная улыбка. Словно он видел что-то, чего не видел Кранин.

«Он хочет сохранить её, – подумал Михаил. – Не просто помнить, а сохранить. Воплотить. И, кажется, я только что согласился ему в этом помочь».

Он не знал, радоваться этому или пугаться. Но одно знал точно: Типау вернулся. Не тот прежний, весёлый и беззаботный, а другой – собранный, сосредоточенный, с ледяным пламенем в глазах. Но он вернулся. И у него была цель.

«У нас вард-сеть в институте тянет едва ли тридцать потоков. Скорость обработки не больше сотни мегафучао. А он предлагает вырастить структуру, которая обеспечит сотни потоков! Там семантика станет базовым элементом, а не веса нейронов».

– Я сделаю это, – сказал Кранин вслух, сам того не ожидая.

Типау остановился, повернулся к нему.

– Что именно?

– Выращу мозг. Металлополимерный. Небелковый. С нуля.

Типау кивнул, словно ничего другого и не ожидал.

– Хорошо. Я помогу.

Они дошли до конца аллеи и повернули обратно. Впереди светились окна дома Краниных, тёплые, живые. Там Ирина укладывала сыновей спать, там пахло чаем и уютом. А здесь, в темноте, что-то возникло, и Кранин ощутил – это его будущее.

Неделю спустя Кранин пригласил Типау на «кухонный семинар» – так он в шутку называл посиделки с коллегами, где обсуждались научные идеи. На этот раз к ним присоединился Талмар. Из-за своей работы в бюро вооружений «Точка-Точка-Запятая» он редко приезжал в Градславль.

Ирина и Михаил приходили в гости к его семье, Типау – очень редко.

Талмар с интересом слушал рассуждения Кранина о металлополимерах и Типау о зацепляющихся автоматах, но скептически хмурился.

– Всё это красиво, – сказал он, отхлёбывая чай, – но где эксперимент? Мне, физику, нужны цифры, уравнения, воспроизводимые данные. А вы мне рассказываете сказки о растущих мозгах, которые, якобы дают сотни независимых потоков с плотностью

– Эксперимент будет, – спокойно ответил Типау. – Но сначала нужна теория. Без неё любой эксперимент – тыканье палкой в темноте.

– Теория – это хорошо, – не сдавался Талмар. – Но мы не можем узнать истину, только стремиться к ней. А стремиться можно лишь через опыт.

Типау пожал плечами, но спорить не стал:

– Бельчи эмер. Ясно.

Кранин заметил, что Ди вообще мало говорит в присутствии Талмара – словно прислушивается, оценивает. И это было ещё одним признаком того, что он возвращается.

Когда Талмар ушёл, Кранин спросил:

– Ну, как тебе наш физик?

– Умный. Но думает только в рамках своей парадигмы. Ему нужно увидеть, чтобы поверить. А я хочу сделать так, чтобы он поверил до того, как увидит.

– Зачем?

– Затем, что он работает над новой теорией гравитации. Нет, пространственно-временного континуума. Если получится создать наш биовычислитель, его задача будет решена за дни. Но он пока не готов это услышать.

Кранин покачал головой. Типау снова строил планы, далеко идущие и неочевидные. Но в этом был весь Ди – он всегда видел связи там, где другие видели хаос.

И Кранин, глядя на друга, впервые за долгое время почувствовал не тревогу, а надежду. Типаурангай вернулся. Кажется, он снова собирался править миром, но, видимо, отложил свой выход на следующий год.

Глава 5. Мы можем править миром

Наступила весна.

Солнце садилось, подсвечивая тучи весёлым узором из оранжевых, красных, бордовых оттенков. Оконные стёкла сверкали рубинами.

Они шли по улице.

Из наушников проходящего мимо парня донёсся тяжёлый бит – смесь рэпа и индастри-ала. Кранин поморщился:

– Что они слушают? В наше время...

– Да. У каждого поколения – своё. Уж что говорили о нас тогдашние взрослые!

Перед его мысленным взором возникла Элли: она танцевала под трек «Нарисованных гор» в их новой квартире, смеялась и кричала, что это «чистый кайф». Он тряхнул головой, отгоняя видение.

Михаил не сдавался:

– Ну, там хоть слова были понятные! А!

Он остановился. Типау сделал два шага и развернулся, поняв, что друг не идёт рядом. Кранин разглядывал разрытую улицу, по краям которой жались легковушки.

– Скоро пешком быстрее будет, чем на машине.

Типау, наклонившись над канавой, произнёс:

– Всё это напоминает мне рост кристалла. Сначала хаос, потом появляются зародыши порядка, структура формируется и усложняется. Город как организм.

– Ты опять о своих автоматах? – усмехнулся Кранин. – Лучше скажи, зачем ты убеждаешь Талмара в том, что уравнения можно решить через твои сети? Их же нет ещё!

– Он упрётся в стену вычислительных ограничений. И придёт сам, зная, к кому.

– Уверен?

– Ты видел уравнения. Компоненты тензоров меняются, вард-сеть не потянет.

– Ага. Видали мы. Только я ничего не понял. Кстати!

Типау, собравшийся идти дальше, снова развернулся. Михаил смотрел, как ручей размывает край вырытой канавы, рядом с которой лежали ржавеющие трубы, и сказал:

– Кстати! О наших кухонных посиделках. Мы ведь набрели на перспективную модель филамента с формой веретена, так?

– Да. Отличная идея. В филаменте с утолщением в центральной части в виде металлического кластера вполне можно генерировать пару электрон-дырка с запутанными спинами. Имейм переключатель с памятью. Или элемент для обратной связи.

– Это если в каскаде от экситона к фотонам переходит состояние, так?

– И наоборот. Паре фотонов передаётся состояние, один идёт в следующий кластер.

– А другой?

– Второй как элемент памяти, правда, очень короткой. Пока не представляю, каким образом заставить фотоны «заморозиться». Нужен какой-то резонатор. Нанорезонатор.

– И что это даст?

– Множество независимых потоков распознавания образов. Скорость обработки возрастёт на порядки по сравнению с вард-сетью.

– Да неужели? Красиво рисуешь. Но аналитические сети и сейчас обеспечивают динамическое распределение мощностей, и высокие частоты распознавания семантических единиц. У нас в институте вард-сеть даёт три сотни мегафучао!

– Эта штука создаётся для настоящих озарений! Это тебе не серые пони от совпадений образов у вард-сети, это – настоящие скачки понимания!

Они перепрыгнули через глубокую лужу.

– Хоть бы досок настелили, что ли!

Кранин протянул руку к Типау, чтобы он поддержал, пока Михаил снимает ботинок с ноги, которой он провалился в грязь.

– Ирка убьёт! Новые ботинки. Ёлки без палок!

– Да. Ухайдокал. В городе. У вас-то в таких не побегаешь.

Они расхохотались, вспоминая свадьбу Кранина в доме его родителей.

– Ух, и погуляли!

– Да, – Типау закрыл глаза на мгновение.

Он видел, как Элли следом за ними перешагивает через лужи, легко прыгает. Одна.

– Я вот думаю, что сменю тему диссертации на то, как вырастить филаменты.

– Серьёзно?

– Да, сам удивлён. Но хочу. Хочу сделать этот самый прибор.

Типау произнёс нарочито низким голосом:

– Квантово-оптический прибор, человека имитирующий, кристаллический!

Воспоминание вызвало очередной взрыв смеха: Кранин на катке шлёпнулся как раз на свой копчик, после чего пришлось всей гурьбой тащить его в травматологию.

Успокоившись, Кранин произнёс с придыханием:

– Да. Первым мне придётся поставить моего шефа, сам понимаешь.

– Хор. То есть, ты станешь выращивать мозг из металлополимеров?

– Именно. Для этого сначала сделаю аналоги ДНК. Получается, три части в работе.

– Закодировать в клетке условия, чтобы клепать филаменты, которые затем выстраиваются в сеть. Это я понял. А третья часть?

Небо темнело всё быстрее. Ветер стал холодным.

– Ты пропустил шаг. Сначала надо новую клетку сделать. А! Четыре части!

– О! Ну, началось. Скажи мне, Мишка, конечно ли твоя книжка?

Они подошли к дому Типау. Тот спросил:

– Теперь ко мне зайдём? Планчик накидаем? Кстати, пять частей выходит.

– Пять? А! Как развернуть в сети из филаментов отдельные блоки?

– Точно! Генерация, переключатели, память, обновление.

– Импульсами запускать каскады придётся?

– Да. Поэтому нужен Талмар.

– Вот ты хитрец! Уравнения, уравнения! Правильно, он имеет доступ к технике!

– Да. Похоже, он скоро сюда переберётся, окончательно. А то мотается по стране.

– Думаешь, будет здесь КБ от «Точки»? Не в Карелии?

– Проект совместный с «АО Завслон». Полагаю, для экономии, они объединят и производство, и конструкторские работы и полигоны. Чтобы не бегать по стране.

Типау оказался прав. Через месяц, вернувшийся откуда-то с Дальнего Востока Талмар, сидя на кухне у Краниных, рассказывал о проекте «Искажение»:

– Вообще, конечная цель, – гравитационный ускоритель.

Он приложил палец к губам:

– Только, ребята, чур, ш-ш.

Кранин ответил, оторвавшись от своих мыслей:

– Ой, ладно, секретный ты наш, мы ж не идиоты!

Типау подхватил:

– У нас тут тоже дела – не чаю попить!

– Вот, вот. Мы металлополимеры пытаемся получить в лаборатории, физическую основу для принципиально новых компьютеров. Такие филаменты способны образовывать трёхмерные структуры с управляемой связностью. Если подобрать правильные лиганды с иридием...

– Иридий даёт стабильные связи, – подхватил Типау. – Мы уже обсуждали это с Мишкой. Клетка может собрать полимерную цепь по аналогии с белками. Правда, пока на платину ориентируемся, с ней проще работать.

– То есть вы хотите вырастить живой вычислитель, который мои уравнения с гравитацией на лету решать сможет? Не то, что эти вард-сети, чтоб их! Амбициозно.

Талмар переглянулся с Типаурангаем. Талмар поднял руку:

– Но мне кажется, что вы не понимаете. Проблема в том, что мы работаем над уравнениями конформной динамики пространственно-временного континуума. Это развитие физики сверхвысоких энергий. Мы там развиваем уравнения Эйнштейна, например, добавили тензоры состояния, учитывающие квантовые флуктуации метрики...

Он показал на свой ноут. Ди прищурился, снял свои очки и взял предложенные вирчи. Кранин последовал его примеру, протянул руку и взял вторую пару.

– Смотрите. Общая теория относительности описывает искривление пространства-времени, – Талмар шевелил пальцами в напёрстках, выделяя фрагменты. – Но она не различает виды деформации. А что, если пространство можно не только гнуть или крутить, но и добавлять? Как будто мы вплетаем новую нить в ткань, не растягивая.

Типау с сомнением в голосе спросил:

– Сложение с сохранением метрики? Это противоречит закону сохранения энергии-импульса. Нельзя создать новый объём из ничего.

– Не из ничего. Из искажения внутренних измерений, концепция Уилера. Представь, четырёхмерное пространство-время погружено в многомерный континуум, своего рода эфир. Мы не ощущаем эфир напрямую, он проявляется через дополнительные степени свободы. В нём могут существовать скалярные поля, что-то вроде параметра порядка, которые при фазовом переходе «застывают», порождая наш мир. Но локально мы можем воздействовать на эти поля и менять масштаб внутренних измерений.

Он показал уравнение, где к стандартному тензору добавлялись члены со скалярным полем и внутренней кривизной.

Типау взгляделся в символы, мысленно раскладывая их на знакомые паттерны:

– Если внутреннее пространство плоское и скалярное поле постоянно, дополнительные члены исчезают, получаем ОТО. Если создать неоднородность поля или изменить внутреннюю кривизну, возникает эффективный тензор энергии-импульса, который можно интерпретировать как локальное изменение гравитации. Вы хотите создать яму, в которую можно «уложить» новое пространство, не меняя метрику снаружи.

Талмар хлопнул по столу:

– Именно! Узкую, микроскопическую яму, куда пространство складывается слоями, как оригами, но не сгибать, а добавлять грани. Энергия берётся из вакуума, но в ограниченной области плотность остаётся неизменной.

Кранин встрепенулся:

– Погодите. Если вы сможете локально менять масштаб внутренних измерений, то это похоже на рост кристалла! В биологии клетка добавляет новые слои мембраны, не нарушая её целостности. Может быть, ваше поле работает как сигнал к началу «кристаллизации» пространства?

Талмар посмотрел Типау. Тот наклонил голову набок, как это делала Лена.

– А что, – медленно произнёс математик, – если уравнения описывают не просто гравитацию, а общий принцип роста структур? Например, зацепляющиеся автоматы тоже добавляют новые состояния, не нарушая существующие связи. Может быть, это универсальный механизм, от квантового уровня до космологического?

– Тогда получается, что мы все – автоматы, дефектами растущие в эфире, – вяло усмехнулся Кранин. – Но если научиться управлять ростом, можно создавать не только ускорители, но и что угодно. Новые материалы, вычислительные среды, даже...

– Целые миры, – закончил Талмар. – Но у меня задача попроще: сделать так, чтобы гравитационный ускоритель заработал. Мне нужен способ считать уравнения в реальном времени, сейчас вард-сеть не справляется. Решения наши частные, чуть что – выход за пределы.

Талмар внимательно посмотрел на Михаила, который погрузился в размышления:

– Мишка, ты чего? Весь день мрачный?

– Да, понимаешь, конкурс мы проиграли... – ответил Кранин, махнув рукой.

– Ясно.

Михаил поднялся и вышел с кухни: дети ссорились, Ира что-то им высказывала.

– Слушай, может, намекнуть ему, что надо в корпорации обращаться?

– Похоже, что надо. Мишка вроде деловитый, а вот до этого не допёр.

Талмар поднял голову и посмотрел на Ди:

– Так что ж ты молчишь, если понимаешь?

– Знаешь... – протянул Типау.

– Ты всё о деньгах, что ли?!

Талмар встал, обошёл кухонный стол.

Он коснулся рукой плеча сидевшего человека и увидел на голове у того седину, прочертившую две серебристые полосы наискось, от темени к затылку.

– Парень, да ты что?! – Талмар чуть наклонился и сжал рукой плечо Типау.

Тот начал говорить:

– У меня есть пара идей по анализу. Скажем, можно выкинуть пару симметрий.

Талмар вздохнул и вернулся на своё место.

Они молчали, прислушиваясь к голосам из зала. Похоже, пора всем по домам.

Уходя, Акматов бросил Кранину:

– Да, Мишка, помнишь, я тебе рассказывал про Белочкина? Белочкина-Уральцева?

Кранин ответил удивлённым взглядом. Талмар усмехнулся:

– Да, ладно. Ты же сказал, мол, парень забавный! Вэ-эра хоть помнишь?

Микробиолог открыл рот, чтобы переспросить, но тут же его лицо ожило:

– А! Талмар! Ну, ты как напомнишь, так напомнишь! Да, Валерианский! Помню!

– Вот, ты бы к ним устроился. Всё лучше, чем в вашем ботаническом саду.

Кранин нахмурил брови. Типаурангай коротко засмеялся:

– Мишка, дружище, ты же сам хотел финансирования? Вот тебе путь.

Талмар посмотрел на Ди, кивнул ему, и добавил:

– Давай, давай! А я пойду, у меня-то финансирование в порядке, только паши!

Глава 6. Элли со мной навсегда

Лето стремительно катилось в сумерки. Деревья по-прежнему шумели зелёной листвой, но та сжалась, краски поблекли. Ветер стал прохладным.

У входа на станцию метро Типаурангай увидел видеоплакат: «Приходи к нам! Точка-Точка-Запятая! Твои навыки нужны! Твой ранг доверия – твой пропуск в будущее! Регистрируйся и узнай свой цвет в личном кабинете!» На экране рекламного щита демонстрировался короткий фильм: пассажиры сканируют бейджи на турникетах: красных пропускают медленнее, фиолетовые вообще не останавливаются.

Типау вернулся в пустую квартиру. Он прошёл, не снимая ботинок, в свой кабинет-спальню и сел за стол. Закрыв глаза.

Элли подошла. Поставила руку раскрытой ладонью на угол стола:

– Ди, ты справишься.

– Я найду способ. Ты вернёшься.

Она наклонила голову. Волосы упали на её лицо, и она аккуратным движением поправила их, чтобы не мешались. В глазах Типау заблестела слеза.

Он повернулся к записям и стал вглядываться в формулы. Потом сказал:

– Смотри. Смотри, какая великолепная картинка! Талмар вывел обобщённое уравнение для пространства-времени с дополнительными измерениями. Первородный континуум порождает эфир, в котором начинается разделение на материю и энергию. Скалярное поле задаёт масштаб внутренних измерений. Когда оно постоянно, мы видим обычное пространство-время. Но если создать неоднородность, возникает эффективная гравитация. Далее рождаются сферы нормального пространства, которые соединяются с уже существующим пространством-временем. Вот такой вариант расширения.

Типау посмотрел на улыбающуюся Элли, и принялся рассказывать ей, как Талмар задумываясь, кривил лицо, шипел, высовывал язык. Элли смеялась:

– А-ха-ха! Барти Крауч-младший!

Потом Типау изобразил, как Талмар показывает свои наброски: «Смотри, здесь внесём дополнительное слагаемое, которое может объяснить явление тёмной энергии без новых частиц. Фактически, у нас нет тёмных субстанций, мы видим проявления первородного континуума через топологические дефекты нормального пространства». И машинально прикрывает рукой экран ноутбука, а его друзья сидят в авирчах и всё видят!

Элли хохотала, сидя на подоконнике. За её спиной искрилось вечернее солнце.

Звонок. Елена легко встала и ушла на кухню. Типаурангай вздохнул: «Кранин».

– Привет, ты там дошёл? Обещал же просигнализировать!

– Да. Забыл. Прости. Читал творение нашего друга. Красивейшая вещь!

– А! Кстати, есть возможность подзаработать. Разомнёшься.

– Что там?

– Да, знаешь, две простецкие вещи. Диплом написать, но такой, хороший, чтобы потом человек мог устроиться в корпорацию какую-нибудь.

«Сам бы уже туда устроился, что ли», – подумал Типаурангай, но промолчал.

– Ладно, присылай, посмотрим. А другая задачка?

Послышались детские голоса. Потом Ирина стала говорить:

– Ребят, ну дайте же поговорить! Идите в свою комнату!

– Да такая же, только... – за спиной Кранина на экране мелькнуло лицо Эдика.

– Па! Ты обещал!

– Давай присылай всё, что есть, гляну. Что с твоей статьёй?

– Представляешь, присылали ответ, явно нейросеть настрочила: ваша работа не соответствует текущему мейнстриму. Раньше люди хоть аннотацию читали, теперь – алгоритмы. Я так и не дождался ответа специалиста, мне написала девушка-оператор, похоже, что она – студентка-филолог!

– Ну, папа-а! – два детских голоса заглушили смех Типау.
Экран погас.

Типау отложил телефон и задумался: «Текущий мейнстрим». Вот где зарыта собака. Все эти корпорации, ранги, бюрократия – они создают видимость движения, а на деле только мешают настоящим прорывам. Но у них есть ресурсы. Огромные ресурсы. Если он хочет воплотить свою теорию в жизнь, ему нужен доступ к оборудованию, материалам, вычислительным мощностям. Для этого придётся играть по их правилам. Или научиться обходить их.

Он взглянул на портрет родителей: «Я сделаю это. Для вас, мои дорогие. Ради тебя, Элли. Ради всех, кого мы потеряли. Я всех помню. Вы будете жить вечно».

Типау встал из-за стола, лёг на диван и сразу уснул.

Разобравшись с детьми, Кранины уселись на кухне. Михаил вздохнул:

– Знаешь, мне кажется, наш Ди хочет вырастить себе искусственного человека.

– Не поняла, это как? Вы же сейчас ни о чём таком не говорили?

– Мы сегодня многое обсудили. У него дома.

– О! Точно! И что? А у него есть кто-то? Ты не заметил?

Михаил покачал головой.

– Нет, – сказал он быстро, не задерживаясь на последнем вопросе, и продолжил: – Вот смотри, я занимаюсь исследованиями по управлению функциями клеток. Понимаешь, да? Это не ваше ручное вышивание.

– Да, – с улыбкой ответила Ирина и коснулась рукава его рубашки, которую она сама перешила, потому что у фабричных моделей рукава – шиворот-навыворот.

Михаил прожевал печенюшку, запил парой глотков кофе и продолжил объяснять.

– Мы подошли, как я думаю, близко к реализации его идеи создания сети из зацепляющихся автоматов на основе моих искусственных клеточек!

Ирина вспомнила давний разговор:

– Лен, он реально такой душнила, как Мишка говорит?

Елена, ответила, смеясь:

– Да ну! он просто залипает в свои формулы. Но это очень мило! Мой чудик, крч.

Ира улыбнулась этому воспоминанию, и быстро произнесла:

– О! Да, точ-точ! Помню! Симуляция мышления, как в нейросетях!

– Почти, да. Здесь всё сложнее, но, да, мышление. Обратные связи, которые меняют свой знак, и перестроение структуры в зависимости от внешних сигналов и внутренних состояний. Он хочет их учить. Он поглощён этой мыслью. Что-то я боюсь.

Она посмотрела на Кранина. Её лицо оставалось спокойным, но брови чуть сдвинулись. Михаил жевал печенье и ждал, что она скажет.

– Ты знаешь, Миш, может быть, его надо с кем-нибудь познакомить уже? Как бы случайно? Ведь почти девять лет прошло, – сказала она тихим мягким голосом.

– Нет, – после короткой паузы твёрдо произнёс Кранин.

– Почему? Почему – нет?!

– Я уже намекал на это. Он не желает никого видеть. Только Элли. Только она.

– Жужас...

Ирина поджала губы и опустила взгляд на центр стола, где стояла корзинка с печеньем. Кранин отпил кофе и повторил:

– Да. Я боюсь, что он погрузился в свои грёзы, и растворился в них. Но тема, тема очень перспективная, очень! Я решил поговорить с шефом. К шутам этих фармакологов!

Ирина оживилась. Она прекрасно осознавала, какие перспективы откроются перед Михаилом, если он научится строить биокомпьютеры:

– Ты хочешь сменить тему диссертации?

– Да. Хочу вырастить мозг! Я хоть и не бизнесмен, но знаю, что для такой огромной работы требуются реклама и деньги, много денег.

Он коротко засмеялся. Ирина улыбнулась в ответ и быстро переспросила:

– Ой, это получается, та самая идея, которая даёт тебе возможность роста?

– Угу!

– Тебя возьмут на работу в одну из корпораций?! – последнее слово она произнесла почти писком, шея вытянулась и голова наклонилась вперёд.

– Именно. Возвышение, моя любимая! Возвышение! Это столько всего будет!

На кухню ворвались громкие возбуждённые сыновья. Они вели сражение за ресурсы, изображая своих героев. Младший яростно махал пластиковым мечом.

– Па! Валерка мой уголь забрал!

– Па! Эдька сломал моих человечков! Так нечестно! Мы же вместе!

– Ты первый начал тырить мои кусты!

– Мой планшет! Мне дали! Ты маленький ещё!

– Ну, вот тебе и диссертация, – весело произнёс Кранин.

На этом ужин и обсуждение дел закончились.

Пока Кранины готовились ко сну, Талмар стоял на палубе «Мирного», раскачивающегося на волнах, и смотрел на бескрайнюю гладь Тихого океана.

Солнце палило, влажный воздух лип к коже, а в голове крутилась одна мысль: «Как, штрих вас раздери, я оказался здесь? Где мои приборчики? Где капониры?»

Он знал ответ, но в голове постоянно крутились мысли об этом нелепом приказе, мешая сосредоточиться на подготовке к испытаниям.

В памяти всплыл летний день 2038 года.

Кабинет с панорамным окном, массивный стол и лысоватый куратор проекта «Искажение» Боровиков Аркадий Павлович. Талмар лично явился к нему, чтобы согласовать испытания «Линии связи» на полигоне «Владимирское-3», расположенном у посёлков Мирное и Владимирское в Карелии. Всё уже готово: площадка, оборудование, подведённые линии. Детали указаны в служебной записке.

Боровиков долго листал документы, вода по столу руками в таком-перчатках, морщился, выдвигал челюсть вперёд. Наконец, сняв с тяжёлым вздохом тактильные перчатки, он, глядя на Талмара сквозь авирчи, изрёк хриплым тенором:

– Акматов, вы, конечно, специалист выдающийся. Небесный ранг, заслуги... Но поймите и меня. Сидите вы в бюро, копаетесь в разных флуктуациях, а мне потом отдуваться за огромные расходы. Итог, с вас – итог, положительный итог. Чтoб, как говорится, фактические результаты совпадали с описью в документах! Страна ждёт, знаю.

Боровиков с гордостью выкатил грудь, на его пиджаке сверкнула синяя полоса.

«Да, вот только и аргументов у тебя, – страна ждёт!» – с досадой подумал Талмар.

В приказе, который соорудили по его заявке, значилось: «Направить группу проекта «Линия связи» на судно-полигон «Мирное» в район Каролины, Тихий океан. Обеспечить встречу судном «Владимирское-3».

Секретарь Боровикова, девушка с трёхцветными волосами в чёрном костюме, сумела перепутать фразу «следовать на полигон» с фразой «судно-полигон». По всей видимости, девушку очень заботил вопрос о предстоящем судебном заседании по вопросу развода с «тем придурком». Название «Карелия» стало именем «Каролина» – возможно, в честь новой звезды поп-рэп-сцены, носящей имя «Кэрл-Инна».

Железнодорожная станция «Тихое» сиротливо болталась в строке после Каролины. И тогда вард-сеть радостно и послушно подставила недостающие слова: Каролинские острова, Тихий океан. Вместо объекта «Владимирское-3» – лучшего в мире полигона, по мнению Талмара, – появилось судно обеспечения «Владимирское-3». Карельские леса, подготовленная площадка, укрытия на случай непредвиденных событий превратились в безграничную водную поверхность, тропическую жару и качку вблизи островов.

Радовались только Костик и Верочка: молодёжь мечтала об отпуске в жарких странах, а тут – бесплатный круиз! Верочка уже успела закупить ярких сарафанов, Костик обзавёлся панамой и теперь оба сияли, представляя, что прибыли не на испытания в рамках сверхсекретного проекта, а отправились в свадебное путешествие.

Талмар и остальные сотрудники с улыбками встречали каждый день Верочку в новом сарафане и Костика в неизменной панаме. Даже майор из первого отдела с пониманием отнёсся к присутствию людей в цветастых одеждах вместо спецовок: «А что? Отличная маскировка! А у вас нет панамы? Зря, зря, так бы у нас хорошо получилось!»

Талмар сжал кулаки и заставил себя выдохнуть. Поздно. Назад дороги нет. Бюджет трещал, сроки давно вышли. В этом господин Боровиков, несомненно, прав. Как и в том, что отчитываться придётся и за расходы, и за возникшие задержки, и за отсутствие результатов. Только отвечать придётся Талмару и его подчинённым. Господин Боровиков, как всегда, выплывет из сложившейся ситуации, и, вероятно, получит очередную награду.

– Ладно, – пробормотал физик себе под нос. – Работаем с тем, что есть.

Он взял авирчи, огляделся в отсеке, где уже гудели генераторы, и направился к трапу, ведущему наверх, в рубку.

Перед глазами развернулись графики и схемы, как только он коснулся оправы.

Проект «Линия связи» был его гордостью. Идея держалась на трёх опорах. Первая – квантовые флуктуации вакуума, те самые виртуальные частицы, что непрерывно рождаются и исчезают даже в абсолютной пустоте. В обычных условиях они хаотичны, но если наложить правильные граничные условия, как в эффекте Казимира, флуктуации становятся упорядоченными и создают реальную силу. Вторая опора – гравитационные волны на микромасштабах. Теория континуума, над которой билось его бюро почти восемь лет, утверждала: если возбудить в вакууме стоячую гравитационную волну определённой частоты, в пространстве возникает потенциальная яма – локальное искривление метрики, не связанное с обычной массой. Аппаратура на судах должна была удержать эту яму и преобразовать её, свернув внутренние измерения в одномерную струну. Нить без толщины, чистая геометрия. Сигнал по такой линии пошёл бы мгновенно, без затухания, сквозь любые преграды. Идеальный канал связи.

Если бы не одно «но»: вместо полигона с контрольно-измерительной аппаратурой и прочими классными приборами у него – палуба корабля и солёные брызги за бортом.

Солнце пускалось за горизонт, закрытое тучами. Полоса чистого неба кофейного цвета разрезала облачный покров наискось. Только одна чёрная клякса в этом потоке света мешала увидеть первую звёздочку.

– Запускай, – скомандовал Акматов-Щагапов в микрофон.

Генераторы взвыли. Излучатели на обоих судах начали синхронно накачивать энергию в объём между набором пластинок, создавая граничные условия для вакуумных флуктуаций. Талмар следил за показаниями: амплитуда стоячей волны росла, метрика пространства начала прогибаться. Он перестал дышать. Бумкнуло сердце.

Посередине между «Мирным» и «Владимирским-3», стоявшим в трёх кабельтовых, полыхнула вспышка молнии. Вместо невидимой одномерной нити возник ослепительно яркий плазменный шнур. Он извивался, дрожал и гудел – низко, утробно. Потом засвистел, пронзительно, на грани слышимости. Внизу Костик громко сказал:

– Вот это да, ёлки без палок! Реакция! Яма схлопнулась! Фиксирую радиацию!

Кто-то ругнулся. Верочка спросила, как всегда, нежным голосом, но настойчиво:
– Кто-то понимает, почему это?

Пылающая змея, раскалённая добела, извивалась между судами.

«Этого не должно быть, потому что не может быть никогда! Одномерная струна появилась и немедленно схлопнулась? Где ошибка? Почему сразу – плазма?» – Талмар понимал, что вместо того чтобы свернуться во внутренние измерения, гравитационная волна выплеснулась в обычное пространство и ионизировала воздух. Расчёты, проверенные сотни раз, рассыпались на глазах. Но ясно одно: ожидаемый объект появился. Пусть на короткое время, но достаточное, чтобы зафиксировать факт.

«Мои автоматы решат твою проблему за дни, возможно часы», – возникло воспоминание о разговоре у Краниных.

«Мне нужны твои биокомпьютеры, Типау! Если они вправду такие, как ты говоришь, то мне нужны эти мгновенные вычислители. Иначе я всю жизнь так истрачу! Вард-системы не тянут расчёты на лету!» – подумал он с досадой.

Жёсткое излучение, как часть реакции на схлопывание, заставляло трещать счётчик Гейгера. Талмар спохватился: надо отдать приказ о выключении генераторов. Разряд продолжал гореть, безвременная нить появлялась и тут же исчезала, подпитывая его.

– Твою ж материю! – вырвалось у него.

Микрофон в его руке был включён. Аппаратура, добросовестно исполняя свою работу, мгновенно модулировала сигнал. Плазменный шнур дёрнулся, словно от удара, по нему побежали волны, искажая его форму. Свечение стало нестерпимо ярким. Вернулось гудение, которое через мгновение перешло в визг. Шнур с оглушительным треском разорвался, разбросав во все стороны снопы раскалённых искр.

Талмар ощутил, сработала аварийная защита: «Ого! Небось, генераторам – хана!»

На палубе «Владимирского-3» что-то загорелось. Забегали матросы, зазвучали команды. Талмар стоял, вцепившись в микрофон, и смотрел, как суетятся тени на палубе судна обеспечения. По жёлтому блеску он угадывал, что тянут шланги. Видел, как сероватая пена гасит пламя. Пожар потушили быстро – экипаж сработал чётко.

Когда дым рассеялся и помпы затихли, Талмар медленно опустил микрофон.

Стало темно. «Владимирское-3» раскачивалось на волнах мутным пятном.

Талмар обернулся к Костику, который появился в рубке вместе с Верочкой в сиреновом с цветочками сарафане. Надо было сливать отработанные технические жидкости – охлаждающую эмульсию и остатки буферного раствора.

Растерянные лица сотрудников не добавили ему настроения.

– Ёмкости для слива готовы? – спросил он устало.

Костик замялся.

– Талмар Кемальевич, тут такое дело... Специальных контейнеров на борту нет.

– То есть как это – нет? Они должны были быть по спецификации! Сорок штук!

– Должны. Но вместо них... – Костик отвёл глаза, – прислали ведра. Обычные оцинкованные ведра с крышками. Сорок штук, верно.

Верочка истерично хихикнула и развела руками:

– Я просила капитана поискать, он разозлился. Сказал, мол, что грузили, то и есть.

Талмар закрыл глаза. Сорок ведер. Вместо герметичных ёмкостей для химических отходов, закупленных по цене хорошего лабораторного оборудования, кто-то в управлении снабжения сэконобил. Или перепутал артикулы. Или просто украл?

Он поднёс микрофон к губам – тот всё ещё был подключён, хотя передавать было уже нечего – и громко, расставляя ударения, произнёс:

– Бюрократы... Бездари... Чтоб вам век в согласованиях тонуть и никогда не выплыть. У вас ведра вместо мозгов, а крышки вместо совести!

Талмар бросил микрофон на палубу и пошёл в каюту. Проект «Линия связи» шёл на дно океана вместе с миллиардами цифирей. Впереди ждали объяснительные, комиссии и, возможно, понижение ранга. Но сейчас ему было почти всё равно. Он думал о том, что даже одномерная нить запуталась в бюрократической паутине: «Вот и провалились в яму, не изменяя объёма Вселенной! Ха! Это – шнобелевка, радуйся, Талмо!»

Не дожидаясь, пока Талмар спустится, Верочка спросила у Костика:

– Так и чем это объяснить, а? Ну не ведрами же! Чего молчишь?

Глава 7. Знакомство с Вэ-эР

Утонувшее в лесу Старое Масленичкино с покосившимися деревянными домами он уже проехал, и только через пару километров встретил знак «Масленичкино-2», после которого на восток от федеральной трассы шла приличная дорога из асбестоцемента.

Машины пришлось оставить на огромной площадке перед контрольно-пропускным пунктом. Количество автомобилей на стоянке удивило Кранина: оно явно превышало сотню, но площадка, разбитая на секции, могла бы вместить и тысячу.

Михаил вышел, размял затёкшие ноги.

В утреннем воздухе пахло разогретым асфальтом и какой-то химией, не то краской, не то растворителем, доносившимся со стороны комплекса.

Три корпуса контрольного пункта оказались больше, чем их изображала карта. Два приземистых здания по бокам и одно повыше, с затемнёнными стёклами, где, очевидно, сидело начальство охраны. Возле турникетов уже выстроилась очередь: люди в серой униформе с цветными нашивками на рукавах, редкие гражданские с бейджами посетителей. Кранин пристроился в хвост, разглядывая публику. Красные, оранжевые, изредка жёлтые нашивки. Ни одного зелёного или синего. «Эти, видимо, заезжают на своих автомобилях, через тот проезд, у края стоянки. Круто!» – сообразил Кранин.

Он дождался служебного автобуса у проходной. Тот подошёл точно по расписанию: длинная белая «гармошка» с эмблемой «АО Завслон» по бокам. Двери мягко распахнулись, Кранин забрался внутрь и сел у окна, приготовился глазеть по сторонам.

Автобус тронулся. За КПП дорога дугой по полю, засеянное травой. По обочинам тянулись ряды молодых лип, высаженных с интервалом приблизительно в три метра. Мелькали столбики с камерами через каждые сто метров.

Впереди быстро выросло главное здание.

Семиэтажная с пристройками коробка из стекла и серого бетона. Фасад, обращённый к КПП, был почти сплошь остеклён: «На закате красиво, наверное». На уровне четвёртого этажа шло аккуратными, без излишеств, буквами: «Центр НИОКР Туды-Сюды Автоматизация». Название вызывало у Кранина усмешку: «Туды-сюды! Вот уж точно, куда кривая выведет».

Кранин вышел из автобуса и огляделся. Отсюда открывался вид на весь комплекс. Прямо перед ним вздымалось административное здание с широкими ступенями и стеклянными дверями. За ним, метрах в ста, виднелся корпус пониже, – управление автоматического завода. Между зданиями пролегали аккуратные дорожки, выложенные серой плиткой, зеленели газоны с подстриженной травой, пестрели клумбы с какими-то ярко-жёлтыми цветами. Кусты, высаженные ровными рядами. Ещё дальше, за корпусом управления, маячили приземистые серые параллелепипеды складов и производственных цехов, они тянулись вдаль, к самому горизонту, теряясь в утренней дымке. Где-то там, за ними, должен находиться полигон «АО Точка-Точка-Запятая», но отсюда его не увидеть.

«Целый город, – подумал Кранин. – И всё это построили меньше, чем за год. Деньги у корпорации водятся, это точно. А я ждал десять лет! Вот ведь дурак-то!»

Он поправил галстук, одёрнул пиджак, направился к входу.

Пройдя двойные двери, он оказался в просторном холле, в нём было прохладно, пахло кондиционированным воздухом и свежим кофе. Охранник в мятой форме, с красной нашивкой на рукаве, со скучающим выражением лица мельком глянул на его паспорт и махнул рукой в сторону лифтов. «Седьмой этаж, отдел технических новшеств», – буркнул он и снова уткнулся в планшет.

Кранин подошёл к лифтам. Дверь открылась перед ним. Он прошёл в большую кабину. Кроме него, тут стояли трое в серой форме с разноцветными нашивками на рукавах. Тот, что оранжевой полосой, держал в руке контейнер: «Ремонтёр?»

«Так. Значит, здесь имеются подземные этажи, минимум два», – увидел он пульт.

На третьем этаже лифт остановился. Вошла девушка с волосами кофейного цвета, в деловом костюме. Кранин заметил у неё жёлтый бейдж на лацкане.

Михаил приготовился слушать разговоры.

Дверь лифта дёрнулась, но не закрылась, а снова распахнулась. Залетел мужчина в дорогом сером костюме. Все находившиеся в лифте люди без команды расступились, освобождая ему пространство.

– Зелень... – прошептал один работник с красной нашивкой другому.

– Ага, шаг назад, – так же тихо прошипел им оранжевый парень.

Девушка с жёлтым бейджем, развернувшись спиной к Кранину, тоже сделала шаг назад. Он вынужденно вжался в стенку кабины. Почувствовал запах крема для душа и аромат духов «Нихт Велюрен». Ирочка говорила, что она бы взяла такие духи, но название слишком молодёжное, эпатажное. Мужчина в дорогом костюме, не оборачиваясь, произнёс, обращаясь, по всей видимости, к оранжевому работнику, который стоял ближе всех к пультам:

– Мне седьмой.

«Однако, на приказ похоже, – подумал Михаил. – Вот это да! Интересно, мне тоже на седьмой. Не к Валерианскому ли этот тип?»

Тут Михаил с досадой сообразил, что на кнопки пульта никто не собирался нажимать: «Ага! Талмар говорил! У них тут передовая техника! Голосовое управление!»

Лифт дёрнулся и пополз вверх. Кранин разглядывал синий бейдж мужчины с золотистой окантовкой. «Синий ранг, – отметил он про себя. – Это уже элита. Жёлтая девушка и другие отступили, как перед высоким начальством. Хотя формально он им всем не начальник, но ранг выше. Этот тип смотрит на них, не поворачивается спиной! Интересно у них тут устроено».

Двери открылись на седьмом. С лёгким шумом вентиляции внутрь кабины ворвался свежий воздух. Мужчина резко развернулся на месте и вышел. За ним зашагала девушка, гордо задрав подбородок. Потом вышел оранжевый парень с контейнером.

Кранин вышел после них, огляделся в поисках нужной двери.

Кабинет начальника отдела технических новшеств располагался в конце коридора, за массивной дверью с табличкой «Р.С. Валерианский».

Длинный диван с серой обивкой тянулся вдоль стены, на которую падали широкие лучи утреннего солнца. Массивный стол из натурального дерева со встроенной аппаратурой связи и сигнализации занимал добрую четверть помещения. Неуклюжий пучок проводов, тянувшийся по полу к внешней стене, выдавал недавний ремонт.

В кресле, напоминающем трон, восседал сам хозяин кабинета, Ростислав Станиславович Валерианский, или, как его называли за глаза, Вэ-эР.

Этот грузный мужчина лет пятидесяти с круглым лицом, на котором выделялись бегающие, поплёскивающие стеклом глазки, двигал пером по столу. Синий бейдж сверкал на лацкане его пиджака.

Когда Кранин вошёл, Вэ-эР как раз заканчивал разговор по внутренней связи:

– ...и чтобы мне без фокусов, Андрей Андреевич! Автосекретарь должен работать, а не умничать! У меня нет времени его перевоспитывать! Всё, спасибо. Пока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.